

Смертные машины

Автор:

[Филип Рив](#)

Смертные машины

Филип Рив

Детский киобестселлер Хроники хищных городов #1

В новом переводе – первый роман эпопеи «Хроники хищных городов». Действие этой фантастической саги происходит в будущем, после Шестидесятиминутной войны, когда экологические и техногенные катастрофы заставили города встать на колеса. Оторвавшись от земли, Лондон, Архангельск и прочие мегаполисы принялись путешествовать через постапокалиптический ландшафт, разыскивая артефакты Древних – и пожирая друг друга. Том Нэтсуорти, ученик в лондонской Гильдии историков, и представить себе не мог, чем обернется для него случайная встреча с Эстер Шоу из только что проглоченного Лондоном шахтерского городка: Тому и Эстер становится известна тайна, способная изменить мировой порядок...

Возможно, самая ожидаемая премьера 2018 года – это экранизация «Хищных машин», выходящая на экраны в декабре 2018 года под названием «Хроники хищных городов». Исполнительным продюсером и автором сценария картины выступает Питер Джексон, постановщиком – Кристиан Риверс (мастер спецэффектов, работавший с Джексоном на съемках «Властелина Колец», «Хоббита» и «Кинг-Конга»), в ролях Стивен Лэнг из «Аватара» и Хью Уивинг («Матрица», «Властелин Колец»).

Филип Рив

Смертные машины

Philip Reeve

MORTAL ENGINES

Copyright © Philip Reeve, 2001

All rights reserved

© М. Лахути, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Саре

Название романа (Mortal Engines) взято из пьесы У. Шекспира «Отелло» (акт III, сц. 3): «And O you mortal engines whose rude throats / Th'immortal Jove's dread clamors counterfeit». Прочитируем некоторые варианты перевода этого фрагмента:

И вы, орудья смертные, чьи глотки

Громам богов бессмертных подражают.

(А. Радлова, 1935)

И вы, орудья гибели, чей рев

Подобен грозным возгласам Зевеса,

Навек прощайте!

(М. Лозинский, 1950)

Прощайте вс? вы, грозныя орудія смерти, издающія изъ своихъ могучихъ жерлъ такіе-же потрясающіе раскаты на земл?, какъ и небесныя громы безсмертнаго Юпитера!

(П. Каншин, 1893)

Часть первая

Глава 1

Охотничьи Угодья

Пасмурный, ветреный весенний день клонился к вечеру. Посреди высохшего Северного моря Лондон гнался за мелким шахтерским городком.

В счастливом прошлом Лондон никогда бы не польстился на такую жалкую дичь. Движущийся мегаполис тогда охотился на города покрупнее, заходя до окраин Ледяных Пустошей на севере и берегов Средиземного моря на юге. Но в последнее время добычи стало меньше и большие города бросали на Лондон голодные взгляды. Он уже десять лет прятался от них, скитаясь по сырой холмистой местности на западе, – как утверждала Гильдия историков, здесь в древности располагался остров Британия. Десять лет Лондон питался крохотными фермерскими городками и затерянными среди холмов стационарными поселками. И вот наконец лорд-мэр счел, что пришло время вернуться через Перешеек в Большие Охотничьи Угодья.

Примерно на середине пути наблюдатели на дозорных башнях углядели шахтерский городок, вгрызающийся в солончаки миль на двадцать впереди.

Лондонцам это показалось знаком свыше, и даже лорд-мэр (который не верил ни в знаки, ни в высшие силы) решил, что это хорошее начало для путешествия на восток, и дал приказ открыть охоту.

Шахтерский городок, заметив опасность, бросился удирать, но огромные гусеничные траки под брюхом Лондона уже закрутились быстрее и быстрее. Громада мегаполиса ринулась в погоню – движущаяся гора металла, словно семярусный свадебный торт. Нижние ярусы окутаны дымом, на верхних палубах сверкают белые виллы богачей, и над всем парит золотой крест собора Святого Павла, на высоте двух тысяч футов над исковерканной землей.

Когда началась погоня, Том занимался тем, что протирал экспонаты в отделе естествознания Лондонского музея. По металлическому полу пробежала дрожь, а под потолком закачались, поскрипывая канатами, чучела китов и дельфинов.

Том не испугался. Он все свои пятнадцать лет прожил в Лондоне и привык к его движению. Он знал, что сейчас город меняет курс и набирает скорость. Чуть-чуть укололо волнение, древний охотничий инстинкт, присущий всем лондонцам. Наверное, заметили дичь! Побросав метелки и тряпки, Том прижал к стене ладонь и ощутил вибрацию, идущую от скрытого далеко внизу, в Брюхе, машинного отделения. Да, вот она – глубинная пульсация. Это включились вспомогательные моторы – бум, бум, бум, словно у него в костях бьет огромный барабан.

В дальнем конце галереи хлопнула дверь. На пороге появился Чадли Помрой, парик у него съехал набок, а круглое лицо покраснело от возмущения.

– Какого Квирка?! – рявкнул он, тараща глаза на качающиеся муляжи китов и чучела птиц, подпрыгивающие в клетках, словно они готовились в полет после долгого плена. – Ученик Нэтсуорти! Что здесь происходит?

– Идет охота, сэр! – ответил Том, изумляясь про себя, как это заместитель главы Гильдии историков ухитрился столько лет прожить на борту Лондона, так и не научившись распознавать, как бьется сердце города. – Наверное, хорошая добыча, – пояснил Том. – Все вспомогательные моторы включили. Такого уже давно не бывало. Может, нам наконец-то начнет везти!

– Пфа! – фыркнул Помрой и поморщился от дребезжащего звука – это стеклянные витрины отозвались дрожью на вибрацию моторов.

Под потолком задергался, раскачиваясь, как на качелях, громадный макет животного под названием «синий кит», вымершего тысячи лет назад.

– Не знаю, как там насчет везения, Нэтсуорти, – сказал Чадли Помрой, – но хотелось бы, чтобы Гильдия инженеров поставила наконец в здание Музея приличные амортизаторы. В нашей коллекции есть чрезвычайно хрупкие экземпляры. Так не годится! Совсем не годится!

Он вытащил из складок длинной черной мантии носовой платок в горошек и утер лоб.

– А можно мне, пожалуйста, сбегать на обзорную площадку посмотреть погоню? – спросил Том. – Хоть на полчаса? Уже столько лет хорошей охоты не было...

– Нет, конечно! – возмутился Помрой. – Посмотри, сколько пыли из-за этой злосчастной охоты насыпалось! Придется все заново протереть и проверить, не пострадали ли экспонаты.

– У-у-у, так нечестно! – завопил Том. – Я только что всю галерею почистил!

Он сразу понял свою ошибку. Старина Помрой был не так уж плох для гильдейца, но ему не понравилось, что с ним спорит ничтожный ученик третьего ранга. Он выпрямился во весь свой рост (чуть побольше его же ширины) и так нахмурился, что знак гильдии на лбу почти совсем скрылся между бровями.

– Жизнь вообще несправедлива, Нэтсуорти! – прогремел он. – Будешь еще дерзить – отправишься на дежурство в Брюхо, сразу как закончится охота!

Из всех кошмарных обязанностей, какие приходится выполнять ученику третьего ранга, дежурство в Брюхе Том ненавидел сильнее всего. Он мгновенно заткнулся, смиренно разглядывая замшевые носы ботинок главного хранителя.

– Сказано: работать здесь до семи, вот и работай до семи! – продолжал Чадли Помрой. – А я пойду посоветуюсь с другими хранителями насчет этой ужасной тряски...

Он поспешно ушел, все еще что-то бурча себе под нос. Том проводил его взглядом, собрал щетки и тряпки и, совершенно несчастный, вернулся к работе. Обычно ему даже нравилось заниматься уборкой, особенно в этом отделе, среди дружелюбных, поеденных молью животных, возле синего кита с широкой синей улыбкой. Если становилось скучно, Том погружался в мечты. Там он был героем, спасал красавиц от воздушных пиратов, а Лондон – от Лиги противников движения и жил потом долго и счастливо. Но какие мечты сейчас, когда весь город наслаждается первой за долгое время настоящей охотой?

Он выждал двадцать минут. Чадли Помрой не возвращался, и никого другого вокруг не было. Музей по средам был закрыт для посетителей, большинство старших гильдейцев и учеников первого и второго ранга в этот день получали выходной. Кому повредит, если Том выскочит минут на десять, хоть посмотреть, что происходит снаружи? Он спрятал за чучелом яка сумку с принадлежностями для уборки и, окруженный пляшущими тенями дельфинов, побежал к двери.

В коридоре аргоновые лампы тоже отплясывали вовсю, расплескивая свет на металлические стены. Мимо быстрым шагом прошли двое гильдейцев в черных мантиях. Том услышал тонкий недовольный голос старого профессора Аркенгарта.

– Вибрация! Вибрация! В коллекции керамики двадцать пятого века черт знает что творится!

Том переждал, пока они не скрылись за углом, и поскорее шмыгнул на ближайшую лестничную площадку. Сбежал вниз, промчался через галерею двадцать первого века, мимо огромных пластмассовых статуй, изображающих Плуто и Микки – божества с головами животных, в которых верили в давно погибшей Америке. Пробежал через главный зал, потом через другие галереи, заполненные предметами, чудом пережившими тысячелетия после того, как Древние уничтожили сами себя в безумном вихре под названием Шестидесятиминутная война, с использованием атомных снарядов «космос-земля» и бомб с искусственно выведенными вирусами. Скоро Том уже выскользнул через боковой вход и сразу окунулся в шум и суету Тотнем-Корт-руд.

Лондонский музей стоял в самом центре Второго яруса, в оживленном районе под названием Блумсбери. Над самыми крышами, словно ржавое небо, нависала палуба Первого яруса. Том не боялся, что его заметят, пока он пробирается по темноватым людным улицам к общественному визи-экрану возле лифтовой станции «Тотнем-Корт-роуд». Втиснувшись в толпу зрителей, он впервые увидел на экране далекую добычу: размытое серо-голубое пятно, пойманное визи-камерами с Шестого яруса.

- Город называется Солтхук, - гремел голос комментатора. - Шахтерская платформа, население - девятьсот человек. В настоящий момент направляется на восток, но по оценкам Гильдии навигаторов мы догоним ее еще до захода солнца. Несомненно, за Перешейком нас поджидает еще много подобных городков, и это ясно доказывает, насколько мудрым было решение нашего любимого лорд-мэра вернуться на восток...

На памяти Тома Лондон еще никогда не путешествовал с такой скоростью. До чего же хочется постоять на обзорной площадке, почувствовать ветер, бьющий в лицо! Мистер Помрой и так его накажет. Наверное, еще несколько украденных минут не составят большой разницы?

Том пустился бежать и скоро оказался в парке Блумсбери, у самого края палубы. Когда-то здесь был настоящий парк, с деревьями и прудами, где плавали утки, но из-за нехватки добычи в последнее время парк приспособили для производства еды. На газонах разбили капустные грядки и установили цистерны для разведения водорослей. Но обзорные площадки остались - выступающие над краем палубы балконы, откуда можно любоваться проплывающими мимо пейзажами. Том бросился к ближайшей площадке. Здесь народу толпилось еще больше. Некоторые были в черных плащах Гильдии историков. Том старался быть как можно незаметней, проталкиваясь к поручням. Солтхук опережал Лондон всего на каких-нибудь пять миль. Он мчался на всех парах, из выхлопных труб валил черный дым.

- Нэтсуорти! - пролаял чей-то голос.

У Тома сердце сжалось. Оглянувшись, он увидел совсем рядом Меллифанта - коренастого мальчишку, ученика первого ранга.

Тот ухмыльнулся:

– Здорово, правда? Жирненькая соледобывающая платформа с сухопутными моторами «эс-двадцать». Для Лондона в самый раз!

Герберт Меллифант был из тех уродов, кто не просто тебя поколотит и сунет головой в унитаз; ему еще надо вызнать все твои секреты и болевые точки и потом без конца в них тыкать. Он обожал донимать Тома, потому что Том был мелкий, застенчивый и заступиться за него было некому, а сам он сдачи дать не мог, потому что Меллифанту родители оплатили первый ученический ранг, в то время как Том, без родных и без друзей, был всего лишь учеником третьего ранга. Он знал, что сейчас Меллифант с ним заговорил только потому, что выпендривался перед хорошенькой девчонкой из Гильдии историков по имени Клития Поттс – она стояла у них за спиной.

Том кивнул и отвернулся, наблюдая за охотой.

– Смотрите! – крикнула Клития.

Разрыв между Лондоном и добычей быстро сокращался. Над Солтхуком взмыло в небо темное пятно, потом еще и еще. Дирижабли! В толпе на обзорных площадках послышались ликующие крики.

– А, воздушные торговцы... – сказал Меллифант. – Поняли, что городу крышка, и спешат удрать, пока мы его не слопали. Иначе мы могли бы забрать их груз вместе со всем прочим!

Том втайне порадовался, видя, что Клития Поттс слушает Меллифанта со скукой: она все это и без него знала, потому что училась на год старше, уже сдала гильдейские экзамены и получила татуировку на лбу – знак историка.

– Смотрите! – повторила она и улыбнулась, встретившись глазами с Томом. – Летят, летят! Красота какая!

Том отвел назад лезущие в глаза растрепанные волосы, глядя, как дирижабли поднимаются все выше и исчезают за свинцово-серыми тучами. На какую-то секунду ему захотелось улететь вместе с ними – вверх, к солнцу. Если бы родители не были такими бедными и не оставили его на попечение гильдии! Он мог бы стать юнгой на небесном клипере и повидать все города мира:

дрейфующий в Тихом океане Пуэрто-Анджелес и скользящий на металлических полозьях по замерзшим северным морям Архангельск, огромные города-зиккураты народа нуэво-майя и вросшие в землю крепости Лиги противников движения...

Но это всего лишь мечты, лучше их отложить на скучные дежурства в Музее. Толпа вновь разразилась приветственными воплями, – значит, погоня близится к концу. Том, забыв о дирижаблях, опять сосредоточился на Солтхуке.

Городок был уже так близко, что стало можно рассмотреть, как мечутся на верхних ярусах крохотные человечки, словно муравьи. Им, наверное, страшно – Лондон настигает и спрятаться некуда! Но жалеть их не надо, ведь это естественный процесс: большие города поглощают маленькие, а те – еще более мелкие, а самые крохотные городки поедают мизерные неподвижные поселения. В этом и состоит принцип муниципального дарвинизма. По этому принципу развивается мир уже сотни лет, с тех пор, как великий инженер Николас Квирк впервые превратил Лондон в движущийся город на гусеничном ходу.

– Лондон! Лондон! – закричал Том, вплетая свой голос в общий хор зрителей.

Наградой им стало радостное зрелище: у Солтхука отвалилось колесо. Шахтерский город занесло вбок, а потом он и вовсе остановился. Несколько дымовых труб отломались и рухнули на улицы, где толпились перепуганные люди. Тут их заслонили нижние ярусы Лондона. Палуба под ногами дрогнула, когда захлопнулись громадные гидравлические челюсти.

На всех обзорных площадках началось ликование. Громкоговорители, укрепленные на опорах Верхнего яруса, заиграли «Гордость Лондона». Совершенно незнакомый человек стиснул Тома в объятиях, крича в самое ухо:

– Добыча! Добыча!

Том не обиделся. В эту минуту он любил всех вокруг, даже Меллифанта.

– Добыча! – подхватил он общий крик, высвобождаясь.

Палуба снова задрожала. Где-то далеко внизу стальные челюсти ухватили Солтхук, подняли и потащили в Брюхо.

– ...Может, ученик Нэтсуорти тоже хочет пойти? – сказала Клития Поттс.

Том понятия не имел, о чем она говорит. Он обернулся, Клития тронула его за локоть и объяснила с улыбкой:

– Вечером в Кенсингтонском саду будет праздник с танцами и фейерверками! Пойдешь с нами?

Том сперва решил, что она издевается: учеников третьего ранга обычно не зовут на праздники, и уж тем более их не приглашают такие красавицы, как Клития. Но Меллифант явно думал иначе. Он дернул Клитию к себе и сказал:

– Там такие, как Нэтсуорти, не нужны.

– Почему? – спросила Клития.

– Ну, ты же понимаешь, – хмыкнул Меллифант, побагровев лицом почти как мистер Помрой. – Он же третьеранговый, на побегушках. И знака гильдии ему не видать. Будет каким-нибудь помощником хранителя. А, Нэтсуорти? – Он гадко ухмыльнулся, глядя на Тома. – Жаль, что твой папочка не оставил тебе денег на нормальное обучение.

– Не твое дело! – разозлился Том.

Радость от удачной охоты испарилась без следа. Том снова напрягся, гадая, какое наказание назначит ему Чадли Помрой, когда узнает, что Том удрал с дежурства. Было совсем не до Меллифантовых подначек.

– Ну, видно, так уж получается, когда живешь в трущобе на нижних ярусах, – злорадно фыркнул Меллифант, снова обращаясь к Клитии. – Знаешь, у Нэтсуорти мамочка с папочкой жили на Четвертом, и когда случился Большой Крен, их расплющило, как пару блинчиков с малиновым вареньем: плямс!

Том не собирался его ударить; это как-то само собой получилось. Том еще и подумать ничего не успел, а его рука уже сжалась в кулак и рванулась вперед.

- Ай! - завопил Меллифант, от неожиданности шлепнувшись на задницу.

Рядом выкрикнули что-то ободряющее, а Клития тихонько захихикала. Том растерянно смотрел на свой дрожащий кулак и не мог понять, как все это вышло.

Но Меллифант уже вскочил на ноги, а он был гораздо выше и крепче Тома. Клития пыталась его удержать, но другие историки стали его подзуживать, а толпившиеся рядом мальчишки в зеленых ученических безрукавках Гильдии навигаторов начали скандировать:

- Драться! Драться! Драться!

Том понимал, что против Меллифанта у него шансов не больше, чем у Солтхука против Лондона. Он попятился, но толпа напирала. Тут кулак Меллифанта врезался ему в скулу, а колено со всей силы ударило между ног. Том согнулся пополам, шатаясь и ничего не видя от слез. Он ткнулся головой во что-то большое и мягкое, сказавшее:

- Уф!

Том поднял голову и увидел перед собой круглое красное лицо с кустистыми бровями под куцым паричком. Узнав Тома, лицо это покраснело еще больше.

- Нэтсуорти! - рявкнул Чадли Помрой. - Какого Квирка ты тут вытворяешь?

Глава 2

Валентайн

И вот, пока другие ученики праздновали успешный захват Солтхука, Тома отправили на дежурство в Брюхо. Сперва Помрой долго стыдил его и отчитывал («Нарушение дисциплины, Нэтсуорти... Еще и затеял драку со старшим учеником... Что сказали бы твои несчастные родители?»), а потом он поплелся на станцию «Тотнем-Корт-роуд», ждать лифта.

Лифт пришел переполненный. Сидячие места в верхнем отделении были заняты надменными представителями Гильдии инженеров – самой влиятельной из четырех гильдий Лондона. Смотреть на их лысые головы и длинные белые резиновые плащи было жутковато, поэтому Том остался стоять в нижнем отделении, где с плакатов по стенам на него смотрело суровое лицо лорд-мэра. Подписи на плакатах гласили: «Движение – это жизнь! Поможем Гильдии инженеров держать Лондон в движении!» Лифт спускался все ниже, мелькали знакомые остановки: Бейкерлоо, Верхний Холборн, Нижний Холборн, Бетнал-Грин – и на каждой остановке в кабину вваливалась очередная толпа. Тома чуть не расплющили о заднюю стенку, так что он почти с облегчением вывалился наконец в шум и суету Брюха.

В Брюхе разбирали на части захваченные Лондоном города. От Челюстей до машинного отделения сплошняком тянулись мастерские и заводы. Том эту часть города ненавидел. Здесь всегда было шумно, толклись грязные страшноватые рабочие с нижних ярусов и, еще хуже того, заключенные из тюрем Подбрюшья. От жары начинала болеть голова, от запаха серы Том постоянно чихал, а мигающий свет аргоновых ламп резал глаза. Но когда Лондон переваривал очередную добычу, при этом обязательно должен был присутствовать кто-нибудь от Гильдии историков, и сегодня именно Тому выпала обязанность напоминать суровым пожилым бригадирам, что любые книги и предметы старины на борту пойманного городка по праву принадлежат его гильдии и что история не менее важна, чем кирпичи, железо и уголь.

Он пробился к выходу из лифта на конечной станции и быстрым шагом двинулся к складу Гильдии историков по трубообразным коридорам, отделанным зеленой керамической плиткой, и металлическим мостикам высоко над огненными провалами Пищеварительных верфей. Далеко внизу раздирали на куски Солтхук. Шахтерский городок казался совсем крохотным по сравнению с огромным Лондоном. Здоровенные желтые машины для демонтажа ползали вокруг на гусеничном ходу, нависали сверху на подъемных кранах и карабкались прямо на город на гидравлических паучьих лапках. Колеса и оси уже сняли и приступили к разборке корпуса. Циркулярные пилы размером с колесо обозрения вгрызались

в палубы, разбрызгивая веера искр. От плавильных печей веяло жаром, и не успел Том пройти и двадцати шагов, как черная форменная куртка под мышками промокла от пота.

Правда, когда Том наконец добрался до склада, ему открылась более обнадеживающая картина. В Солтхуке не было ни музея, ни библиотеки, а то немногое, что удалось спасти из городских антикварных лавок, уже начали упаковывать в ящики для отправки на Второй ярус. Если повезет, работа закончится рано и можно будет еще застать кусочек праздника! Интересно, кто из гильдейцев сегодня здесь за главного? Если старый Аркенгарт или доктор Веймут – тогда дело плохо. Они всегда заставляют отдежурить до конца смены, и не важно, есть тебе чем заняться или нет. А вот если Потти Пьютертайд или мисс Плим, то могут и отпустить...

Но, подходя к конторе управляющего, Том понял, что сегодня в Брюхе дежурит кто-то намного выше рангом. У конторы стоял блестящий черный «жук» с эмблемой гильдии на капоте – слишком шикарная машинка для рядовых историков. Рядом стояли двое в ливреях, какие носила обслуга высших чинов гильдии. Несмотря на роскошную одежду, вид у них был бандитский. Том сразу узнал этих типов: Пьюси и Генч, бывшие воздушные пираты. Они перековались и вот уже двадцать лет верно служили Главному историку. Когда он отправлялся в экспедиции, они пилотировали его дирижабль «Лифт на тринадцатый этаж»[1 - Дирижабль назван в честь тexasской психоделической группы 1960-х годов The 13

Floor Elevators.]. «Валентайн здесь!» – подумал Том, пробегая мимо и стараясь не слишком таращиться.

Таддеус Валентайн был для Тома кумиром. Бывший кладоискатель сумел стать самым известным лондонским археологом и главой Гильдии историков, к возмущению и зависти таких людей, как Чадли Помрой. Том повесил его фотографию на стену над своей койкой и столько раз читал и перечитывал его книги, что выучил их наизусть: «Приключения практикующего историка» и «Покинутая Америка. Через Мертвый континент с ружьем, фотоаппаратом и дирижаблем». А как Том гордился, когда в двенадцать лет получил из рук Валентайна, приехавшего награждать учеников по случаю окончания учебного года, приз за сочинение о распознавании поддельных древностей! Он до сих пор помнил каждое слово великого человека. «Ученики, помните: мы, историки, –

важнейшая гильдия Лондона! Мы не зарабатываем много денег, как купцы, но мы создаем куда бо?льшую ценность – знания. Мы не определяем курс города, как навигаторы, но что делали бы навигаторы без сохраненных нами древних карт и таблиц? Что касается инженеров, достаточно вспомнить, что все их машины разработаны на основе предметов олд-тека, высоких технологий древности, которые были найдены нашими археологами и хранятся в наших музеях».

Том в ответ еле-еле промямлил: «Спасибо, сэр» – и поскорее вернулся на свое место. Ему и в голову не могло прийти, что Валентайн его запомнит. Но когда он заглянул в контору, великий человек улыбнулся, подняв голову от бумаг.

– Нэтсуорти, я не ошибаюсь? Ученик, умеющий с блеском распознавать подделки? Придется мне сегодня поостеречься, как бы ты меня не разоблачил!

Простенькая шутка вмиг разбила неловкость, неизбежную между учеником и старшим гильдейцем. Том сразу успокоился, перестал топтаться на пороге и прошел внутрь, протягивая записку от Чадли Помроя.

Валентайн, встав из-за стола, шагнул ему навстречу. Высокий красавец лет под сорок, с густой гривой черных, чуть тронутых сединой волос и аккуратной черной бородкой. Серые глаза – глаза моряка – искрились весельем, а третий глаз на лбу, метка Гильдии историков – синий глаз, обращенный в прошлое, – словно подмигивал, когда Валентайн иронически выгибал бровь.

– Подрался, вот как? Что же такого сделал ученик Меллифант, чтобы заслужить синяк под глазом?

– Он говорил гадости про моих родителей, сэр, – тихо ответил Том.

– Понятно. – Исследователь кивнул, внимательно наблюдая за Томом.

Ругать его он не стал. Вместо этого спросил:

– Ты – сын Дэвида и Ребекки Нэтсуорти?

– Да, сэр. Но когда случился Большой Крен, мне было всего шесть... Я их почти не помню.

Валентайн снова кивнул. Глаза у него были добрые и печальные.

– Они были хорошими историками, Томас. Надеюсь, ты пойдешь по их стопам.

– О да, сэр! – воскликнул Том. – То есть... Я тоже надеюсь!

Его родители погибли, когда часть Чипсайда рухнула на нижний ярус. До сих пор никто о них не говорил хорошего слова. У Тома слезы навернулись на глаза. Он чувствовал, что Валентайну можно рассказать все, что угодно. Он хотел уже сказать, как скучает по маме с папой и как тосклива жизнь ученика третьего ранга, но тут в контору вошел волк.

Очень большой белый волк появился из двери в кладовую и, едва увидел Тома, бросился к нему, оскалив желтоватые клыки.

– А-а-а! – завопил Том, вскакивая на стул. – Волк!

– Ой, веди себя прилично! – раздался девчачий голос, и вслед за тем сама девушка появилась в комнате.

Она склонилась над зверем и пощекотала мягкий белый мех у него под подбородком. Свирепые янтарные глаза блаженно сощурились, а хвост с шорохом прошелся по ее коленям.

– Не беспокойтесь, – засмеялась девушка. – Он просто ягненок! То есть на самом деле он, конечно, волк, но смирный, как ягненок.

– Том, – сказал Валентайн, весело блестя глазами, – познакомься, это моя дочь Кэтрин и Собака.

– Собака?

Том слез со стула, чувствуя себя довольно глупо. И все еще было страшновато. Он сперва подумал, что хищник сбежал из зверинца в Круговом парке.

– Это долгая история, – сказал Валентайн. – Кэтрин до пяти лет жила в плавучем городе, Пуэрто-Анджелесе. Потом у нее умерла мама, и Кэтрин переехала ко мне. Собаку я привез ей в подарок из экспедиции в Ледяные Пустоши. Кэтрин тогда еще плохо говорила на английском, а о волках и вовсе никогда не слышала. Как увидела, сразу сказала: «Собака!» Кличка так и прилипла.

– Он совсем ручной, – заверила девушка, с улыбкой глядя на Тома. – Когда папа его нашел, он был щеночком. Волчицу пришлось застрелить, а добить малыша у папы рука не поднялась. Он очень любит, когда ему щекочут пузико. Собака, в смысле, не папа.

Она засмеялась. У нее были длинные темные кудри, а глаза серые, как у отца, и такая же стремительная сияющая улыбка. Одета Кэтрин была в шелковые узкие брюки и свободную блузу – самый писк верхнелондонской моды этим летом. Восхищенный Том смотрел на нее во все глаза. Он видел раньше фотографии дочери Валентайна, но не замечал, какая она красивая.

– Смотри, ты ему понравился! – сказала Кэтрин.

Собака не спеша подошел, помахивая хвостом, и обнюхал край куртки Тома. Розовый мокрый язык царапнул Тому пальцы.

– Обычно если Собаке кто-нибудь нравится, то и мне тоже, – сказала Кэтрин. – Так что давай, папа, познакомь нас по-человечески!

Валентайн засмеялся.

– Познакомься, Кейт, это Том Нэтсуорти. Его прислали нам помогать, и, если твой волчище с ним закончил, надо бы дать ему возможность заняться делом. – Он доброжелательно положил руку Тому на плечо. – Работы не очень много; пройдемся напоследок по верфям и...

Он разорвал записку Чадли Помроя на мелкие кусочки, а кусочки выбросил в красную урну для вторсырья рядом с письменным столом.

– И можешь идти!

Том сам не знал, что его удивило сильнее – то, что Валентайн его отпускает или что он лично явился на верфь. Обычно старшие члены гильдии предпочитали сидеть у себя в уютных кабинетах, пока ученики вкалывают в жаре и чаду, а Валентайн как ни в чем не бывало сбросил черную мантию, сунул в карман жилета авторучку и уже на пороге улыбнулся Тому:

– Идем! Чем раньше приступим, тем раньше ты сможешь присоединиться к веселью в Кенсингтонском саду...

Они спускались по винтовым железным лестницам, а Собака и Кэтрин следовали за ними. Вниз, вниз, к Пищеварительной верфи, где от Солтхука почти уже ничего не осталось – только стальной скелет, да и тот рабочие механизмы раздирали на части, утаскивая лонжероны и куски палубного покрытия на переплавку. Тем временем груды кирпича, шифера, бревен, соли и угля уплывали на конвейерных лентах в глубину Брюха, а мебель и провизию увозили вручную на тележках.

Рабочие Пищеварительных верфей были истинными правителями этой части Лондона и отлично знали об этом. Они с кошачьей ловкостью расхаживали по узеньким мостикам, их голые торсы блестели от пота, а глаза прятались за темными стеклами защитных очков. Том всегда их боялся, а Валентайн здоровался с ними легко и непринужденно и спрашивал, не попадалось ли среди добычи чего-нибудь интересного для Музея. Иногда он останавливался перекинуться парой слов, шутил или спрашивал о здоровье родных и обязательно представлял своего спутника: «Мой коллега, мистер Нэтсуорти». Том прямо раздулся от гордости. Валентайн обращался к нему как к взрослому, а вслед за ним точно так же относились и рабочие – тронув свои засаленные кепки, улыбались во весь рот и называли свои имена. Всех их звали, кажется, или Лен, или Чумазнер.

– Ты не слушай, что об этих ребятах говорят в Музее, – предупредил Валентайн, пока очередной Лен вел их к мусорному контейнеру, где были свалены найденные реликвии. – Если они живут в нижних районах и не умеют правильно склонять слова, это еще не значит, что они плохо соображают. Поэтому я и люблю наведываться сюда лично, когда на верфях идет работа. Мусорщики и кладоискатели часто находят ценнейшие артефакты, которые просмотрели историки, я не раз такое видел.

– Да, сэр, – согласился Том, косясь на Кэтрин.

Ему страшно хотелось совершить что-нибудь выдающееся, чтобы Главный историк и его красавица-дочь оценили. Вот бы найти среди мусора удивительный и необыкновенный предмет олд-тека, чтобы они вспоминали Тома, когда уже вернутся домой, в блеск и роскошь Верхнего Лондона. А то, может, он с ними и не увидится больше никогда!

Полный надежд, он бросился к мусорному контейнеру и заглянул внутрь. В конце концов, предметы олд-тека в самом деле иногда можно найти в антикварной лавке маленького городка или на каминной полке в доме какой-нибудь старушки. Только представить, вдруг он раскроет утерянную тайну древности, вроде летательных аппаратов тяжелее воздуха или лапши быстрого приготовления! Даже если его находка и не пригодится Гильдии инженеров, – может, она все-таки попадет в Музей, будет стоять в витрине с пометкой на табличке: «Обнаружено мистером Т. Нэтсуорти». Том с надеждой рассматривал груды мусора в контейнере: пластмассовые обломки, разбитые настольные лампы, расплющенная детская игрушечная машинка... Его взгляд зацепился за плоскую металлическую коробочку. Том вытащил ее, открыл – и на него с серебристого пластикового диска уставилось собственное отражение.

– Мистер Валентайн! Смотрите! Сидюк!

Валентайн вынул диск из коробочки и повертел в руках. По блестящей поверхности побежали радужные блики.

– Совершенно верно, – подтвердил историк. – Древние использовали их при работе с компьютерами, для хранения информации.

– От него может быть польза? – спросил Том.

Валентайн покачал головой:

– Увы, Томас. Хоть Древние и жили в неподвижных поселениях, электроника у них была необычайно развита. Лондонским инженерам пока не удалось воспроизвести их достижения. Даже если на этом диске хранятся ценные сведения, у нас нет возможности их прочитать. Но находка хорошая. Сохрани ее на всякий случай.

Валентайн отошел, а Том убрал коробочку с сидюком в карман.

Кэтрин, должно быть, заметила, что он расстроился. Она тронула руку Тома:

– Такая красота! Любая находка, пережившая тысячи лет, прекрасна, пусть она и не пригодится этой жуткой Гильдии инженеров. У меня вот есть целое ожерелье из древних компьютерных дисков...

Она улыбнулась. Кэтрин была красавица, как девушки в его мечтах, только еще и добрая, и веселая. Том знал, что с этого дня все героини, которых он спасает в воображении, будут похожи на Кэтрин Валентайн.

Больше в контейнере ничего интересного не оказалось. Солтхук был город практичный, слишком занятый тем, что вгрызался в дно высохшего моря, ему некогда было копаться в прошлом. Но Валентайн не вернулся сразу на склад, а повел своих спутников наверх, по очередной металлической лестнице и дальше по узкому мостику в Зал для прибывающих. Там бывшие жители Солтхука выстроились в очередь к Приемщику. Они называли ему свои имена, после чего их отправляли на новое место жительства – в недорогие гостиницы и рабочие общежития.

– Даже когда я не на дежурстве, – объяснил Валентайн, – я непременно спускаюсь поговорить с захваченными кладоискателями, пока они не успели продать свои находки старьевщикам на Пятом ярусе и снова не затерялись на Поверхности.

Вместе с добычей всегда попадались несколько кладоискателей, что бродят по Охотничьим Угодьям и подбирают предметы олд-тека. Солтхук не был исключением. В хвосте огромной очереди печальных горожан виднелась группа людей в длинных, до щиколотки, потрепанных пальто и защитных очках; на шее у них болтались респираторы.

Том, как и большинство лондонцев, приходил в ужас от одной мысли, что кто-то может жить вот так, прямо на голой земле. Они с Кэтрин и Собакой топтались в сторонке, не решаясь подойти ближе, а Валентайн смело шагнул вперед и заговорил с кладоискателями. Те столпились вокруг него, и только один держался в сторонке – высокий, в черном пальто. Тому показалось, что это

девушка, хотя точно разобрать не получалось, потому что лицо у нее было замотано черным платком, вроде как тюрбан кочевника в пустыне.

Валентайн представился кладоискателям и спросил:

– Ну что, найдется у вас что-нибудь такое, что имеет смысл приобрести для Гильдии историков?

Некоторые закивали, другие качали головой, несколько человек начали рыться в заплечных мешках.

Девушка в черном платке сунула руку за пазуху:

– У меня кое-что есть для тебя, Валентайн.

Она говорила так тихо, что услышали только Том и Кэтрин. Они обернулись, и тут она бросилась вперед, выхватывая длинный тонкий нож.

Глава 3

Сброс шлака

Некогда было раздумывать. Кэтрин закричала, Собака зарычал, девушка на мгновение запнулась, и Том не упустил свой шанс: он рванулся к ней и перехватил руку с ножом, нацеленным Валентайну в сердце. Нож упал на палубу, девушка зашипела, вырвалась и кинулась бежать.

– Задержите ее! – рявкнул Валентайн, бросаясь за ней, но беженцы, увидев нож, в страхе заметались и мешали ему пройти.

Кое-кто из кладоискателей выхватил ружья и пистолеты. Сразу же сквозь толпу начал проталкиваться полицейский в бронекастюме, похожий на громадного синего жука, крича:

- В Лондоне огнестрельное оружие запрещено!

Том через головы кладоискателей разглядел вдали темный силуэт на фоне пылающих печей. Девушка шустро карабкалась по лесенке на следующий уровень. Том бросился за ней и попытался схватить за щиколотку. Чуть-чуть не дотянулся, и в ту же секунду мимо просвистела стрела и ударилась о железную перекладину лестницы, высекая тучу искр. Том оглянулся. Расталкивая толпу, за ними спешили еще двое полицейских с арбалетами на изготовку. За их спинами виднелись Кэтрин с отцом.

- Не стреляйте! - крикнул Том. - Я ее догоню!

Он полез вверх, стремясь к одной цели - именно он, и никто другой, должен поймать несостоявшуюся убийцу. Сердце отчаянно колотилось. Столько долгих скучных лет он мечтал о приключениях, и вот наконец мечты сбываются! Он спас жизнь мистеру Валентайну! Он герой!

Девушка уже бежала по лабиринту пешеходных мостиков, который начинался рядом с плавильными печами. Том помчался следом, надеясь, что Кэтрин все еще его видит. После развилки мостик стал совсем узким - не больше метра между поручнями. Внизу, на Пищеварительных верфях, работа шла своим чередом. Никто и не заметил, что над головой разыгрывается драма. Том бежал сквозь полосы густой тени и клубы горячего пара, но девушка по-прежнему опережала его на несколько шагов. Ее черный платок зацепился за низко нависшую трубу и слетел с головы. Длинные волосы девушки отливали медью в отсветах плавильных печей, но лицо рассмотреть не удавалось. Мелькнула мысль: наверное, она хорошенькая. Красотка-убийца из Лиги противников движения.

Том проскочил мимо висящего на трубе платка и помчался дальше, задыхаясь и на ходу расстегивая ворот. Слетел по винтовой железной лестнице с такой скоростью, что голова закружилась, и выскочил на верфь, в мешанину конвейеров и огромных шарообразных емкостей с горючим. Заключение, трудившиеся на демонтаже добычи, с удивлением оглядывались вслед бегущей девушке.

- Задержите ее! - крикнул Том.

Арестанты смотрели на него, разинув рот, и не двигались с места, но, оглянувшись, Том увидел, что надзирающий за ними ученик из Гильдии инженеров бросил работать и тоже кинулся в погоню. Том немедленно пожалел, что позвал на помощь. Он не собирался делить победу с каким-то тупым инженером! Том рванулся вперед, чтобы первым догнать преступницу.

Дорогу ему перегородила круглая дыра в полу, огороженная ржавыми перилами, – желоб для сброса отработанного материала, обгорелый и почерневший оттого, что в него сбрасывали шлак из печей. Девушка на миг запнулась, выбирая, в какую сторону свернуть. Она побежала дальше, но Том одним рывком преодолел оставшееся расстояние и, вытянув руку, ухватился за ее рюкзак. Лямка оторвалась. Девушка обернулась к Тому лицом, в багровых отблесках пламени из печей.

Она была не старше Тома и страшная на вид. Лицо от лба до подбородка рассекал чудовищный шрам – словно чей-то портрет со злостью разорвали сверху донизу. Рот кривился в вечной усмешке, от носа остался обрубок. С изуродованного лица на Тома смотрел единственный уцелевший глаз, серый и холодный, как зимнее море.

– Зачем ты помешал мне его убить? – прошипела она.

Том в растерянности застыл, онемев, и только молча смотрел, как девушка подобрала рюкзак и отвернулась, чтобы бежать дальше. Но сзади уже раздались полицейские свистки. Засвистели арбалетные стрелы, высекая искры из металлической палубы и тянувшихся под потолком труб. Девушка, выронив рюкзак, упала на бок, выдохнув совершенно нецензурное ругательство. Том и подумать не мог, что девушки знают такие слова.

– Не стреляйте! – завопил он, размахивая руками.

Полицейские спускались по винтовой лестнице, громя сапогами и стреляя на ходу, как будто не замечали, что Том стоит у них на пути.

– Не стреляйте!

Девушка кое-как встала. Ногу ей пробил стрела, чуть выше колена. Девушка зажимала рану рукой. Сквозь пальцы сочилась кровь. Рвано, со всхлипами дыша,

девушка попятилась к перилам. За спиной у нее, словно разинутая пасть, зияло отверстие мусорного желоба.

– НЕ-Е-ЕТ! – закричал Том, поняв, что она задумала.

Он уже не чувствовал себя героем. Ему просто было жаль эту несчастную, обезображенную девушку и стыдно, что именно он загнал ее сюда. Том протянул к ней руку, мысленно умоляя остановиться и не прыгать.

– Я не мог допустить, чтобы ты ранила мистера Валентайна! – заорал он, перекрикивая грохот Брюха. – Он хороший, добрый, храбрый, он замечательный...

Девушка вдруг качнулась вперед, так что ее жуткое безносое лицо оказалось прямо перед глазами Тома.

– Посмотри на меня! – невнятно выговорила она перекошенным ртом. – Смотри, что сделал твой замечательный добрый Валентайн!

– О чем ты?

– Его спроси! – крикнула она. – Спроси, что он сделал с Эстер Шоу!

Полицейские были уже совсем рядом. Том чувствовал, как дрожит под их шагами палуба. Девушка посмотрела ему за плечо и перекинула раненую ногу через перила, вскрикнув от боли.

– Не надо! – снова взмолился Том, но было поздно.

Взметнулись полы рваного пальто, и она исчезла.

Том подскочил к перилам, заглянул вниз. В лицо ему ударил холодный воздух, пахнувший глиной и раздавленными листьями. Пахнувший землей, что пролетала внизу, под движущимся городом.

– Нет!

Все-таки она прыгнула! Убилась насмерть... Эстер Шоу. Нужно запомнить имя и помолиться за нее кому-нибудь из многочисленных богов Лондона.

В клубах дыма проступили очертания людей. Полицейские медленно приближались, как крабы-бокоходы. Впереди шел Валентайн. Том заметил в тени возле резервуара с топливом потрясенного ученика-инженера. Том хотел ему улыбнуться, но лицо словно застыло, а в следующий миг все снова затянуло дымом.

- Том! Ты цел? - Валентайн подбежал, запыхавшись. - Где она? Где та девушка?

- Умерла, - тупо ответил Том.

Валентайн заглянул через поручень. По лицу его бежали тени от струек дыма, похожие на паутину. Глаза горели непонятым огнем на белом испуганном лице.

- Том, ты ее видел? У нее был шрам?

- Да, - ответил Том, удивляясь, откуда Валентайн это знает. - Ужасный шрам! У нее одного глаза нет, и нос...

Тут он вспомнил страшные слова девушки.

- Она еще сказала...

Том вдруг подумал, что незачем повторять такую безумную ложь.

- Она сказала, что ее зовут Эстер Шоу.

- Великий Квирк! - прошипел Валентайн.

Том отшатнулся. Наверное, зря он это сказал. Но когда решился поднять взгляд, Валентайн приветливо улыбался, хотя глаза у него были полны грусти.

- Ничего, Том, - сказал Валентайн. - Прости...

Большая, ласковая рука легла Тому на плечо... А дальше он ничего не успел сообразить – рывок, он переваливается через перила и падает, как упала Эстер Шоу, дико размахивая руками, стараясь ухватиться за гладкие металлические края. «Он меня толкнул!» – изумленно подумал Том, даже не чувствуя страха, а потом черный зев желоба поглотил его.

Глава 4

На Поверхности

Тишина. Полная тишина. Это не умещалось в голове. Даже когда Лондон стоял на месте, в общей спальне всегда слышались звуки: гудение вентиляторов, шум лифта вдали, храп учеников на соседних койках. А тут вдруг – тихо. Болела голова. Вообще-то, болело все. И койка какая-то странная... Том пошевелил рукой и почувствовал, что сквозь пальцы сочится что-то холодное и склизкое, вроде как...

Глина! Том резко сел и ахнул. Он был не в общежитии для учеников третьего ранга. Он лежал на куче влажной земли на краю глубокой канавы. В жемчужно-серых предрассветных сумерках он увидел, что рядом сидит девушка с изуродованным лицом. Значит, когда ему снилось, что он скользит по обгорелому желобу для сброса шлака, это было на самом деле – он выпал из Лондона и теперь остался на голой земле, вдвоем с Эстер Шоу!

Том застонал от ужаса. Девушка бросила на него быстрый взгляд и отвернулась.

– Живой, значит, – промолвила она. – А я думала, ты умер.

Она говорила так, как будто ей все равно.

Том с трудом поднялся на четвереньки, чтобы касаться земли только ладонями, коленками и пальцами ног. Руки у него были голые до плеч. Том осмотрел себя и понял, что он голый по пояс и весь в синяках. Куртка лежала поблизости, а рубашки нигде не было видно. Только когда он подполз поближе к девушке со шрамом, понял: она занята тем, что рвет его рубашку на полосы и бинтует себе

раненую ногу.

- Эй! - сказал Том. - Это рубашка у меня одна из лучших!

- И что? - ответила она, не оборачиваясь. - Эта нога у меня тоже одна из лучших.

Том натянул куртку, грязную и рваную после путешествия по желобу. Через дыры свободно проходил холодный воздух. Дрожа, Том обхватил себя руками. «Валентайн меня толкнул! Он толкнул меня, и я скатился по желобу на Поверхность! Он меня толкнул... Нет, он не мог! Тут какая-то ошибка! Я, наверное, поскользнулся, а он старался меня удержать, вот как все было».

Эстер Шоу закончила перевязку и встала. Охнула от боли, натягивая поверх раны грязные, заскорузлые от крови штаны. Швырнула в Тома остатками рубашки - теперь это была бесполезная тряпка.

- Зря ты не дал мне его убить.

Сказала и решительно захромала прочь, по длинной полосе взрытой земли.

Том смотрел ей вслед в полной растерянности. Только когда она исчезла за гребнем холма, он понял, что не хочет остаться один в тишине. Лишь бы рядом кто-то был, пусть даже Эстер Шоу.

Том бросил изодранную рубашку и побежал догонять, поскользываясь на жирной липкой грязи, спотыкаясь о камни и вывороченные из земли корни. Слева зияла глубокая канава с отвесными стенками. Поднявшись на гребень, Том понял, что это всего лишь одна из сотни таких же канав: колеи, оставленные громадными гусеницами Лондона, тянулись вдаль, словно их проложили по линейке. Далеко впереди виднелся город, окутанный дымом своих моторов, на фоне светлеющего к востоку неба. Стало зябко от тоски по дому. Все, что он в своей жизни знал, было там, на быстро удаляющейся громаде, а здесь только Эстер с мрачной решимостью шагала вперед, приволакивая раненую ногу.

- Стой! - закричал Том, ковыляя за ней по грязи. - Эстер! Мисс Шоу!

- Отстань! - огрызнулась она.

– А куда ты идешь?

– Мне же надо в Лондон, – ответила она. – Я два года его искала, всю Поверхность исходила вдоль и поперек, забиралась на разные мелкие городишки – надеялась, что Лондон их слопают. Наконец добралась и отыскала Валентайна – кладоискатели мне говорили, что он обязательно явится посмотреть, как разбирают добычу. А дальше что? Какой-то балбес взял и помешал мне вырезать ему сердце, как он того заслуживает. – Эстер остановилась и повернулась к Тому лицом. – Если бы ты не сунулся, Валентайн был бы мертв, а я упала бы рядом и тоже умерла, и все мои мучения закончились бы!

Том уставился на нее. Глаза у него вдруг наполнились слезами, и он ничего не мог с этим поделать. Том ненавидел себя за то, что стоит перед ней таким дураком, но сдержаться было невозможно. Разом навалилось потрясение от всего происшедшего и сознание, что все его бросили. Горячие слезы потекли по щекам, промывая дорожки в грязи.

Эстер уже собиралась уходить, но тут остановилась и уставилась на Тома, как будто не понимала, что с ним творится.

– Ты плачешь! – тихо и удивленно сказала она наконец.

– Извини. – Том шмыгнул носом.

– А я никогда не плачу. Не умею. Когда Валентайн убил моих маму и папу, и то не плакала.

– Что? – Голос Тома все еще дрожал от слез. – Мистер Валентайн никогда бы такого не сделал! Кэтрин сказала, он даже волчонка не смог застрелить. Ты врешь!

– А как же тогда ты здесь оказался? – спросила она насмешливо. – Он тебя столкнул, так? Всего лишь за то, что ты меня увидел.

– Врешь! – повторил Том.

Но он вспомнил, как большие ладони надавили ему на спину, как он падал и какой странный огонь горел в глазах археолога.

- Ну что? - спросила Эстер.

- Он меня толкнул! - потрясенно прошептал Том.

Эстер Шоу только плечами пожала, как бы говоря: «Видишь, какой он на самом деле?» Потом она отвернулась и пошла дальше.

Том побежал за ней.

- Я с тобой! Мне тоже надо в Лондон! Я тебе помогу!

- Ты?

Эстер хрипло засмеялась и сплюнула ему под ноги.

- Ты же вроде был за Валентайна? А теперь собрался помогать мне его убить?

Том замотал головой. Он сам не знал, чего хочет. Какая-то часть его сознания все еще цеплялась за надежду, что случилось ужасное недоразумение, а на самом деле Валентайн хороший. Он точно не хотел, чтобы Валентайна убили у него на глазах и бедная Кэтрин осталась сиротой... Но он же должен каким-то образом вернуться в Лондон, а в одиночку у него не выйдет. И потом, он чувствовал, что отвечает за Эстер Шоу. В конце концов, это из-за него ее ранили.

- Я помогу тебе идти, - сказал он. - У тебя нога болит. Я тебе нужен.

- Мне никто не нужен! - яростно ответила она.

- Мы вместе догоним Лондон, - пообещал Том. - Я состою в Гильдии историков. Меня послушают! Я все расскажу мистеру Помрою. Если Валентайн правда сделал то, что ты сказала, пусть отвечает по закону!

– По закону? – хмыкнула Эстер. – В Лондоне Валентайн сам – закон. Он же любимчик лорд-мэра! Он – Главный историк! Да он меня просто убьет, если я его первая не убью. Он и тебя убьет, я думаю. Вжжух!

Она сделала вид, что выхватывает шпагу и вонзает в грудь Тома.

Взошло солнце. Над мокрой землей поднимались завитки пара. Лондон все уменьшался. Обычно город, наевшись, останавливался на несколько дней, и в заторможенном мозгу Тома мелькнула мысль: «Куда это он спешит?»

Но тут Эстер споткнулась и упала – раненая нога подломилась. Том бросился ее поднимать. Она не сказала «спасибо», но и не оттолкнула. Том закинул ее руку себе на плечи и помог встать, и они вместе побрели дальше по взрытой земле, следуя за Лондоном на восток.

Глава 5

Лорд-мэр

На сто миль впереди восходящее солнце осветило Круговой парк – нарядное кольцо газонов и клумб вокруг Первого яруса. Блестели в рассветных лучах декоративные пруды и влажные от росы дорожки, сверкали шпили Клио-Хауса – виллы Валентайна, приютившейся на краю парка, среди темных кедров, словно забытая на берегу огромная витая раковина.

Кэтрин проснулась в своей комнате на верхнем этаже и лежала, глядя, как солнечный свет просачивается сквозь черепаховые ставни. Она чувствовала себя ужасно несчастной, хотя сперва и не понимала, отчего это.

Потом она вспомнила вчерашний день в Брюхе, внезапное нападение и как бедный симпатичный ученик-историк бросился в погоню за убийцей и погиб. Кэтрин бежала за отцом, но, когда добралась до мусорного желоба, все было уже кончено: ученик-инженер пятился, сам блее своего резинового плаща, а папа, бледный и разгневанный, стоял в окружении полицейских. Кэтрин никогда не видела его таким, и никогда он не говорил с ней таким неестественным, злым

голосом. Он резко приказал ей идти домой.

Захотелось свернуться в комочек и снова заснуть, но Кэтрин должна была повидать отца – убедиться, что с ним все хорошо. Откинув одеяло, она встала и натянула на себя вчерашнюю одежду, которая валялась, скомканная, на полу. От одежды все еще пахло плавильными печами.

Сводчатый коридор за дверью спальни плавно шел вниз, закручиваясь, как будто был проложен внутри аммонита. Кэтрин сбежала на первый этаж, по дороге почтительно остановившись перед статуей Клио – богини историков. Статуя стояла в нише у входа в столовую. В соседних нишах лежали привезенные отцом из экспедиций сокровища: глиняные черепки, фрагменты компьютерных клавиатур и ржавые железные черепа Сталкеров – загадочных полумеханических солдат забытой войны. Их растресканные стеклянные глаза провожали Кэтрин злобными взглядами.

Отец пил кофе в атриуме – просторном открытом помещении в центре дома. Он в халате расхаживал между папоротниками в горшках, узкое длинное лицо было серьезно. Кэтрин по глазам поняла, что отец вообще не ложился.

– Папа? – позвала она. – Что случилось?

– А, Кейт! – Он подошел и крепко ее обнял. – Что за ночка!

– Бедный тот мальчик, – прошептала Кэтрин. – Бедный Том! Наверное... ничего не нашли?

Валентайн покачал головой:

– Убийца бросилась вниз и утащила его с собой. Они оба утонули в жидкой грязи, или их раздавило гусеницами.

– Ох... – выдохнула Кэтрин.

Она присела на край стола, не замечая, что Собака подошел и положил тяжелую голову ей на колени. «Бедный Том», – думала Кэтрин. Он был такой милый, так старался понравиться – и он ей действительно понравился. Она даже хотела

попросить папу, чтобы пригласил его поработать в Клио-Хаус – тогда они с Собакой могли бы присмотреться к нему получше. А теперь он умер. Его душа отправилась в Страну, не ведающую солнца, а тело осталось лежать, холодное, на холодной земле.

– Лорд-мэр недоволен, – сказал Валентайн, глянув на часы. – В первый же день возвращения в Охотничьи Угодья в Брюхе разгуливает убийца. Лорд-мэр лично спустится сюда обсудить происшествие. Вот жду его. Посидишь со мной? Могу поделиться завтраком, если хочешь. Кофе на столе. Булочки, масло... У меня совсем нет аппетита.

У Кэтрин аппетита не было тоже, но она все-таки посмотрела на еду и вдруг заметила лежащий на дальнем конце стола потертый кожаный ранец. Его вчера выронила та девушка, убийца. Рядом было разложено содержимое, словно экспонаты в каком-то странном музее: металлическая фляга, аптечка, моток веревки, несколько полосок вяленого мяса, с виду жесткие, как язычки от старых ботинок, и мятый засаленный листок бумаги с прикрепленной к нему фотографией. Кэтрин взяла листок. Это оказалось удостоверение личности, выданное в городе под названием Строул, – грязное, затрепанное, распадающееся на части по сгибам. Прежде чем что-нибудь прочесть, Кэтрин задержала взгляд на фотографии и ахнула:

– Папа! Что у нее с лицом?

Валентайн обернулся и немедленно вырвал бумагу у нее из рук:

– Кейт, не трогай! Не надо тебе на это смотреть! Да и никому не надо...

Он достал из кармана зажигалку, аккуратно поджег уголок листа и держал над пепельницей, пока бумажка не сгорела дотла. Потом снова принялся расхаживать по комнате, а Кэтрин сидела и смотрела на него. За десять лет с тех пор, как приехала в Лондон, Кэтрин привыкла считать его не только отцом, но и лучшим другом. У них были одинаковые вкусы, они смеялись над одними и теми же шутками, у них не было секретов друг от друга – а сейчас он что-то недоговаривал об этой девушке. Никогда еще Кэтрин не видела отца таким встревоженным.

– Кто она, папа? Ты ее встречал в экспедиции? Такая молоденькая и такая... Что же у нее случилось с лицом?

В коридоре слышались шаги, потом в дверь постучали и в комнату ворвался Пьюси.

– Шеф, лорд-мэр едет!

– Уже? – охнул Валентайн.

– Вроде того. Генч видел, катит на своем «жуке» через парк. С виду нерадостный.

У Валентайна тоже вид был нерадостный. Он подхватил брошенную на спинку кресла мантию и стал торопливо натягивать ее на себя. Кэтрин подошла помочь, но он отмахнулся. Тогда Кэтрин чмокнула его в щеку и убежала. Собака потрусил следом. Через большие овальные окна гостиной было видно, как в ворота въезжает белый казенный «жук». Впереди бежали солдаты в ярко-красных доспехах гвардейцев – личная охрана лорд-мэра. Они рассыпались по саду и застыли, словно безобразные садовые скульптуры. Тем временем Генч и еще кто-то из obsługi бросились открывать стекластиковый колпак «жука». Лорд-мэр вышел из машины и, размашисто шагая, направился к дому.

Магнус Кром почти уже двадцать лет властвовал в Лондоне, но до сих пор совсем не выглядел лорд-мэром. В учебниках истории, по которым училась Кэтрин, лорд-мэрами были веселые румяные толстяки, а Кром был тощий, как старая ворона, и притом вдвое угрюмее. Он даже не носил алую мантию, красу и гордость бывших лорд-мэров, а ходил по-прежнему в длинном белом резиновом плаще, с красным колесом – знаком Гильдии инженеров – на лбу. Прежние лорд-мэры убирали знак гильдии, показывая, что служат всему Лондону, но Кром, придя к власти, завел новые порядки. Если кто и говорил, что несправедливо одному человеку быть одновременно и лорд-мэром, и главой Гильдии инженеров, тем не менее все признавали, что Кром отлично руководит городом.

Кэтрин он никогда не нравился, хоть и благоволил к ее отцу. А сегодня утром она была совсем не в настроении общаться с лорд-мэром. Заслышав, как открывается диафрагма входной двери, Кэтрин отступила вглубь коридора и тихонько позвала за собой Собаку. Она остановилась за первым же поворотом и

затаилась в неглубокой нише, успокаивающе поглаживая волка по голове кончиками пальцев. Кэтрин чувствовала, что с отцом случилось что-то плохое, и твердо решила: она не позволит и дальше скрывать от нее правду, как от несмышленного ребенка.

Через несколько секунд у двери в атриум показался Генч.

Он поклонился, комкая шапку в руках.

– Сюда, ваше достопочтенное благородие! Осторожно, ваше мэрство, тут ступенька.

Сразу за Генчем вошел Кром. Постоял немного, поворачивая голову влево-вправо странным змеиным движением. Кэтрин показалось, будто по коридору пронесся морозный ветер с Ледяных Пустошей. Она плотнее вжалась в нишу, молясь Квирку и Клио, чтобы Кром ее не увидел. Она слышала его дыхание и как поскрипывает резиновый плащ. Потом Генч провел Крома в атриум. Кэтрин перевела дух.

Придерживая Собаку за ошейник, она подкралась к двери и прислушалась. В комнате раздавался папин голос. Кэтрин представила, как отец стоит возле декоративного фонтанчика, пока слуги усаживают Крома. Отец сказал было что-то светское о погоде, но его перебил холодный, тонкий голос лорд-мэра.

– Валентайн, я прочел отчет о ваших вчерашних похождениях. А ведь вы уверяли, что со всей семейкой разобрались.

Кэтрин отшатнулась от двери, словно обжегшись. Как смеет мерзкий старик говорить с ее папой таким тоном! Ей не хотелось больше ничего слышать, но любопытство пересилило. Кэтрин снова прижалась ухом к двери.

– ... Призрак из прошлого, – говорил отец. – Не представляю, как она спаслась. И один Квирк знает, где она научилась ловкости и хитрости. Но сейчас она мертва, как и мальчишка, который ее поймал. Бедняга Нэтсуорти...

– Вы уверены?

– Кром, они упали за борт.

– Это ничего не значит. Мы сейчас движемся по мягкой почве; они вполне могли выжить. Нужно было послать людей проверить. Неизвестно, много ли девчонка знала о работе своей матери. Если она расскажет в каком-нибудь другом городе, что у нас есть МЕДУЗА, раньше чем мы будем готовы пустить ее в ход...

– Я понимаю, понимаю! – с досадой ответил Валентайн.

Кэтрин услышала скрип стула, на который с размаху уселся отец.

– Я возьму «Лифт на тринадцатый этаж», слетаю поищу тела...

– Нет, – отрезал Кром. – Вы с вашим дирижаблем нужны мне для другого. Полетите вперед. Проверьте обстановку между Лондоном и его местом назначения.

– Кром, это работа не для «Лифта», а для разведывательных кораблей Планового комитета...

– Нет! – снова оборвал его Кром. – Я не хочу, чтобы слишком много народу знало, куда направляется город. Узнают, когда придет время. К тому же есть одно задание, которое я могу доверить только вам.

– А девчонка? – спросил Валентайн.

– Не беспокойтесь, – ответил лорд-мэр. – У меня есть надежный агент, он выследит ее и закончит то, что вы не доделали. Займитесь лучше подготовкой дирижабля к полету, Валентайн.

Разговор был окончен. Кэтрин услышала, как лорд-мэр встает, собираясь уходить, и сбежала, пока не открылась дверь. В голове у нее крутился целый вихрь мыслей, словно в стиральной машине из музейного зала древних технологий.

У себя в комнате Кэтрин села и попробовала обдумать все, что только что услышала. Она надеялась разгадать загадку, а в результате тайн стало еще

больше. Ясно одно: у папы есть секрет. Раньше он никогда ничего от нее не скрывал. Обо всем рассказывал, советовался, а сейчас шепчется с лорд-мэром, называя ту девушку призраком из прошлого. Какого-то агента отправят найти ее и доделать... Что доделать? Неужели Том и девушка-убийца в самом деле могут быть живы? И почему лорд-мэр отправляет папу на разведку, да еще с такой секретностью? И почему не хочет, чтобы знали, куда направляется Лондон? И что же такое эта МЕДУЗА?

Глава 6

Спидвелл

Весь день они брели вперед по краю рваного шрама, пропаханного Лондоном в мягкой земле Охотничьих Угодий. Город все еще виднелся вдали, только становился все меньше и меньше, уходя на восток. Том понял, что скоро город скроется за горизонтом, и на него накатило ощущение одиночества. Раньше ему не особо нравилась жизнь ученика-историка (третьего ранга), но сейчас годы, проведенные в Музее, казались прекрасным сном. Он уже соскучился по хлопотливому доктору Аркенгарту и напыщенному Чадли Помрою, по своей койке в продуваемой сквозняками общей спальне и по долгим часам работы, а еще он тосковал по Кэтрин Валентайн, хоть они и были знакомы всего несколько минут. Закрывая глаза, он ясно видел ее лицо, добрые серые глаза и чудесную улыбку. Наверняка она не знает, что за человек ее отец...

- Смотри, куда идешь! - сердито крикнула Эстер Шоу.

Том открыл глаза и понял, что чуть не утянул ее за край глубокой траншеи, оставленной гусеницами города.

Они все шли и шли, и Том начал склоняться к мысли, что больше всего скучает по еде. В гильдейской столовой кормили не слишком хорошо, но все-таки это лучше, чем ничего, а сейчас у него как раз ничего съедобного не было. Когда он спросил Эстер Шоу, чем они будут питаться, она ответила только:

– Жалеешь теперь небось, что потерял мой рюкзак, лондонский мальчик! У меня там была отличная вяленая собачатина.

Вскоре после того, как перевалило за полдень, они наткнулись на заросли полузасыпанных землей чахлых сероватых кустов. Эстер нарвала листьяв и растерла их в кашицу между двумя камнями.

– Если их сварить, было бы вкуснее, – заметила она, когда они ели кошмарную слякотную массу. – В рюкзаке была растопка для костра.

Позже Эстер поймала лягушку в глубокой луже, скопившейся на дне колеи. С Томом она не поделилась, а он старался не смотреть, как она ест.

Он не знал, что и думать о своей спутнице. Она все больше помалкивала, а когда он пытался завести разговор, так яростно сверкала единственным глазом, что он предпочел тоже идти молча. Но иногда она вдруг заговаривала сама. Например, говорила: «Местность повышается. Значит, Лондон притормозит. Ехать в гору на полной скорости – слишком много топлива уйдет». Потом через час-два: «Мама говорила, что движущиеся города – это глупость. Может, в них был смысл тысячу лет назад, когда постоянно случались землетрясения, извержения вулканов и ледники сползали к югу. А сейчас города просто катаются туда-сюда и жрут друг друга, а у людей ума не хватает остановиться».

Тому нравилось, когда Эстер нарушала молчание, хотя ее мама производила впечатление опасной противницы Движения. Но когда Том пробовал поддержать разговор, Эстер снова уходила в себя, рукой прикрывая лицо. Как будто в одном худеньком теле жили две Эстер: одна – мрачная мстительница, которая только и думает о том, как убить Валентайна, а другая – умная, живая, обаятельная девушка, изредка выглядывающая из-за исполосованной шрамами маски. Может, она немного не в себе? Как не спятить, когда у тебя на глазах убивают твоих родителей.

– Как это случилось? – тихо спросил он. – Я про твоих маму и папу. Ты уверена, что это Валентайн?..

– Заткнись и шагай давай, – оборвала она.

Но вечером, когда уже стемнело и они устроились в какой-то яме, спасаясь от холодного ночного ветра, Эстер вдруг начала рассказывать.

– Я родилась на голой земле, но там было не так, как здесь. Я жила на крайнем западе, на Дубовом острове. Когда-то он был частью Охотничьих земель, но от частых землетрясений местность вокруг затопило и получился остров. Голодные города не могли до него добраться, слишком далеко от берега, а города-амфибии тоже не могли подступиться, чтобы не напороться на рифы. Там было чудесно – зеленые холмы, и каменистые мысы, и ручьи в густых дубравах. Деревья все заросли седым лишайником, стояли лохматые, как старые собаки.

Тома передернуло. На голой земле живут одни дикари, это каждому лондонцу известно.

– Мне больше нравится, когда под ногами надежная прочная палуба, – сказал он.

Эстер будто не слышала. Она не могла остановиться, как будто слова сами сыпались из ее искореженного рта.

– У нас был город, назывался Данроуминг[2 - Dunroamin – некогда популярное в Англии название домов, от выражения «done roaming» – «перестал странствовать, пустил корни»]. Раньше он тоже ездил, но жителям надоело вечно удирать от больших городов, они переплыли на Дубовый остров, сняли колеса и моторы и закопали среди холмов. Данроуминг уже больше ста лет стоит на острове, и не догадаешься, что когда-то он двигался.

– Это же ужасно! – ахнул Том. – Прямо в духе Лиги!

– Мои родители жили на отшибе, – продолжала Эстер, как будто он ничего и не говорил. – У них был дом на краю вересковой пустоши, у самого берега. Папа был фермером, а мама – историком, как ты. Только гораздо умнее, конечно. Каждое лето она улетала куда-нибудь на своем дирижабле, раскапывала разные предметы олд-тека, а осенью обязательно возвращалась. Зимой я приходила по вечерам к ней в кабинет на чердаке, мы ели гренки с сыром, и мама рассказывала мне о своих приключениях... А однажды, семь лет назад, я проснулась ночью, слышу – на чердаке голоса, о чем-то спорят. Я поднялась по лесенке, заглянула – а там Валентайн. Я его знала, они с мамой дружили, и он часто заходил в гости. Только в ту ночь он вел себя совсем не по-дружески. Все

повторял: «Отдай мне машину, Пандора! Отдай МЕДУЗУ!» Меня он не заметил. Я выглядывала из люка и от страха не могла двинуться с места, ни вперед, ни назад. Валентайн стоял ко мне спиной, а мама – напротив. Она держала в руках ту самую машину. Мама сказала: «Иди к черту, Таддеус! Она моя, это я ее нашла». И тогда Валентайн выхватил шпагу... Он... Он...

Эстер умолкла, задыхаясь. Она не хотела говорить дальше, но волна памяти подхватила ее и тащила назад, к той ночи, той комнате, где брызги крови на маминых звездных картах – как будто новое созвездие.

– А потом он обернулся, и увидел меня, и бросился, а я отскочила, и его шпага только порезала мне лицо, а я грохнулась с лестницы. Наверное, он подумал, что убил меня. Я слышала, он подошел к маминому столу и стал рыться в бумагах, а я вскочила – и бежать. В кухне на полу лежал папа, он тоже был мертвый. Даже собаки были мертвые... Я выбежала из дома и увидела пришвартованный около нашего сада черный дирижабль Валентайна. Там ждали его люди. Они погнались за мной, но я удрала. Добежала до лодочного сарая, взяла папину лодку и уплыла. Вроде я хотела плыть в Данроуминг, позвать на помощь. Я была совсем маленькая, думала – доктор вылечит маму и папу. Но я так ослабла от боли, и крови столько вытекло... Отвязать лодку сил еще хватило, течением ее отнесло от берега... А после этого я помню только, как очнулась на берегу, уже в Охотничьих Угодьях... Я так и осталась там жить. Сначала я почти ничего не помнила. Как будто, когда он раскрыл мне голову, половина воспоминаний вывалилась, а остальные перемешались. Но постепенно память начала возвращаться. Однажды я вспомнила Валентайна и то, что он сделал. Тогда я решила, что найду его и убью, как он убил маму с папой.

– А что это за машина была? – спросил Том после долгого молчания. – Что такое МЕДУЗА?

Эстер пожала плечами. (Том не увидел в темноте, но он услышал движение плеч под замурзанным пальто).

– Какая-то из маминых находок. Какой-нибудь олд-тек. На вид ничего особенного. Металлический шар, с футбольный мяч размером, весь помятый и поцарапанный. А Валентайн из-за этого ее убил.

– Семь лет назад, – прошептал Том. – Как раз тогда мистера Валентайна сделали главой гильдии. Говорили, он что-то такое нашел на Поверхности, Кром был очень доволен и повысил его через голову Чадли Помроя и еще других. Но я ни разу не слышал, что же он там нашел. И о МЕДУЗЕ ничего не слышал.

Эстер молчала и через несколько минут начала похрапывать.

А Том долго сидел без сна, так и этак обдумывая ее рассказ. Вспоминал мечты, которые помогали ему пережить долгие скучные дни в Музее. Он воображал, как выслеживает преступника на Поверхности вместе с прекрасной девушкой. Только не представлял, до чего здесь мокро и холодно, и как болят ноги, и что убийцей окажется величайший герой Лондона. Что касается девушки...

Лунный свет озарял обезображенное лицо Эстер Шоу. Она хмурилась даже во сне. Сейчас Том лучше понимал ее. Она ненавидела Валентайна, но себя ненавидела еще сильнее – за то, что уродина и что осталась жива, когда ее родители погибли. Том вспомнил, что он сам чувствовал после Большого Крена, когда пришел домой и увидел, что дом раздавлен, а мамы и папы больше нет. Ему тогда казалось, что он каким-то образом виноват. Было стыдно, что он не умер вместе с ними.

«Надо ей помочь, – думал Том. – Я не позволю ей убить мистера Валентайна, но я найду способ рассказать всем правду. Если, конечно, это правда. Может, завтра Лондон чуть-чуть притормозит, а у Эстер нога будет меньше болеть. К закату мы вернемся в город, и кто-нибудь нас обязательно выслушает»...

Но на завтра, когда они проснулись, оказалось, что город ушел еще дальше, а состояние Эстер ухудшилось. Она стонала от боли, наступая на раненую ногу, лицо у нее стало цвета слежавшегося снега. Сквозь повязки сочилась кровь и стекала в сапог. Том ругал себя последними словами, что выбросил остатки рубашки и что из-за него Эстер потеряла рюкзак с аптечкой...

Ближе к полудню они сквозь пелену дождя увидели что-то впереди. Кучу шлака посреди широкой колеи, проложенной накануне Лондоном. Рядом остановился маленький городок. Подойдя ближе, Том и Эстер увидели, что по груде отходов карабкаются люди, просеивая оплавленные куски металла и не до конца сгоревший уголь.

Обрадованные, они прибавили ходу и вскоре после полудня уже шли в тени огромных колес. Том, задрав голову, с удивлением рассматривал единственный ярус городка. В Лондоне многие дома были больше по размеру. Городок был деревянный и как будто построен очень странным плотником, который считает, что работать надо так: забил пару гвоздей, и сойдет. Здание муниципалитета походило на сарай, а за ним виднелись корявые дымовые трубы какого-то невиданного двигателя.

– Добро пожаловать! – прокричал, спускаясь с груды шлака, высокий седобородый старик в развевающейся коричневой мантии. – Добро пожаловать в Спидвелл! Я – мэр города, Орми Рейленд. Вы говорите по-англичански?

Эстер настороженно попятилась, а Том шагнул вперед. Старик ему показался вполне дружелюбным.

– Простите, сэр, нам бы поесть, и еще нужен доктор, посмотреть ногу моей подруги...

– Я тебе не подруга! – прошипела Эстер. – И с ногой у меня все в порядке.

А сама побелела и дрожит, и лицо блестит от пота.

– Доктора в Спидвелле все равно нету, – засмеялся Рейленд. – А насчет еды... Времена-то нынче тяжелые. Может, у вас что найдется на обмен?

Том похлопал себя по карманам. У него было немножко денег, но зачем Орми Рейленду лондонские деньги? Вдруг он нащупал что-то твердое. Сидюк, найденный в Брюхе! Том вытащил его и, проводив печальным взглядом, протянул старику. Он собирался когда-нибудь подарить вещицу Кэтрин, но сейчас еда была важнее.

– Красиво! Очень! – восхитился Орми Рейленд, любуясь радужными переливами на поверхности диска. – Пользы, правда, от него немного, ну да ладно, можете получить укрытие на пару-тройку ночей и еды маленько. Правда, еда не ахти какая, но все-таки лучше, чем ничего.

Старик не соврал: еда в самом деле была не ахти, но Том и Эстер накинулись на нее с жадностью и потом еще протянули миски за добавкой.

– В основном это делается из водорослей, – объяснил Орми Рейленд, пока его жена наплюхивала в миски добавку синеватой гущи. – Мы их выращиваем в чанах под главным машинным отделением. Гадость редкостная, но позволяет перебиться, пока с уловом негусто, а между нами, улов нынче жидкий, как никогда. Потому мы и обрадовались, когда наткнулись на эту вот гору мусора.

Том кивнул и откинулся на спинку стула, оглядываясь по сторонам. Комната была маленькая, тесная – совсем не похожа на жилище мэра. Хотя и сам Орми Рейленд ничуть не был похож на мэра. Обшарпанный старик руководил городом, населенным, казалось, сплошь его родственниками: сыновьями, дочерьми, внуками, племянниками и племянницами да их мужьями и женами, которых те нашли во встречных городах.

Но Рейленда такое положение вещей, как видно, не устраивало.

– Не так-то весело управлять движущимся городом, – повторял он. – Да-да, какое уж там веселье. Было время, когда городишко вроде Спидвелла мог спокойно разъезжать по своим делам. Другие города не стали бы связываться с такой мелочью. А сейчас – дело другое. Дичь повывелась, и каждый встречный норовит тебя слопать. На днях вообще пришлось удирать от мегаполиса. Из этих, французинскоговорящих, вилль мобиль. Я вас спрашиваю, зачем такому чудищу какой-то Спидвелл? На один зуб! Нет, погнались за нами.

– Наверное, ваш город очень быстрый, – сказал Том.

– О да! – заулыбался Рейленд.

А его жена прибавила:

– Развивает скорость до ста миль в час! Это все благодаря Рейленду. Он прямо волшебник, такие чудеса творит с двигателями.

– Вы нам не поможете? – Том подался вперед. – Нам очень нужно в Лондон поскорее. Вы, наверное, могли бы его догнать. Вдруг по дороге попадутся еще

такие же кучи мусора...

– Боги с тобой, малыш! – Рейленд покачал головой. – Лондонские отходы не стоят того, чтобы за ними тащиться в такую даль. Нынче все пускают в повторную переработку, добычи-то мало. Эх, помню я, было время, когда отходы городов лежали грудками по всем Охотничьим Угодьям. Вот тогда было чем поживиться! Сейчас не то, совсем не то. И к тому же, – добавил он, передернувшись, – я не рискну подводить свой городишко близко к Лондону, и вообще к большим городам. Нету им веры. Возьмет да и схрумкает нас. Ам, и все! Нет уж.

Том кивнул, стараясь не выдать разочарования. Он покосился на Эстер, но она, низко опустив голову, то ли спала, то ли потеряла сознание. Том понадеялся, что это просто от усталости и сытной еды. Он привстал, собираясь проверить, все ли с ней в порядке, но тут Рейленд сказал:

– Знаешь, что я тебе скажу, малыш: мы вас подбросим до Ярмарки!

– Куда?

– Ярмарка! Там собираются мелкие городки, пара дней пути на юго-восток. Мы так и так хотели туда заехать.

– На Ярмарку съезжается много разных городов, – подхватила миссис Рейленд. – А если даже ни один не согласится доставить вас в Лондон, вы быстро найдете воздушного торговца, которому с вами будет по пути. Там всегда полно воздушных торговцев.

– Я... – Том запнулся.

Ему было как-то нехорошо. Комната словно качнулась, потом задержалась, как изображение на плохо настроенном визи-экране. Том посмотрел на Эстер: она сползла со стула на пол. С настенного алтаря ухмылялись домашние божки Рейлендов, и кажется, один из них проговорил голосом Орми:

– Конечно, Том, на Ярмарке обязательно найдется дирижабль, там всегда много дирижаблей...

Том упал на колени.

– Хочешь еще водорослей, милый? – спросила миссис Рейленд.

Ее голос доносился как будто издалека:

– Ужас, как долго не могло подействовать, правда, Орми?

И Том едва расслышал ответ Рейленда:

– Надо будет в следующий раз сыпать побольше, дорогая.

Потом завитки узора на ковре рванулись и оплели его и утащили в глубокий сон, мягкий, как вата. Ему снилась Кэтрин.

Глава 7

Верхний Лондон

Выше Первого яруса, выше оживленных магазинов Мэйфера и Пикадилли, выше Квирк-Серкус, где гордо высится на ребристой стальной колонне статуя спасителя Лондона, подобно железной короне, поддерживаемый мощными опорами, над городом нависает Верхний ярус. Это самый маленький и самый значительный из семи ярусов. Там стоят всего три здания, но это самые важные здания в Лондоне. Ближе к корме возносятся к небу башни городской Ратуши – там находятся офисы больших и малых гильдий, и там раз в месяц все они собираются на совет. Напротив – здание, где на самом деле принимаются важные решения: черный стеклянный коготь Инженериума. И между ними – собор Святого Павла, древний христианский храм; Квирк разобрал его на части и заново отстроил здесь, когда превратил Лондон в движущийся город. Сейчас собор выглядит уныло: весь в лесах и подпорках, он ведь не был рассчитан на переезды, и от тряски старинная кладка совсем расшаталась. Хотя скоро он снова откроется для публики. Гильдия инженеров обещала провести полную реставрацию. Если прислушаться, можно различить внутри стук молотков и жужжание дрелей.

Магнус Кром все это слышит, когда его «жук», негромко урча, проезжает в тени собора к Инженериуму. Слышит и улыбается затаенной улыбкой.

В Инженериум солнцу путь заказан – черные окна закрыты наглухо. Металлические стены озарены холодным неоновым светом, и в воздухе пахнет антисептиком – Кром вдыхает его с наслаждением после вони цветов и свежескошенной травы, от которой в Лондоне не продохнуть в этот теплый весенний день. Молоденькая ученица при виде лорд-мэра вытягивается по стойке смирно и склоняет обритую голову, услышав отрывистый приказ:

– Проводи меня к доктору Твикс.

Вагончик монорельса уже ждет. Ученица помогает лорд-мэру усесться, и его по плавной дуге поднимают в самое сердце Инженериума. Этаж за этажом проплывают мимо кабинеты, лаборатории, конференц-залы, за стенами матового стекла смутно виднеются причудливые механизмы. Всюду лорд-мэр видит своих согильдейцев за работой – они возятся с фрагментами олд-тека, проводят опыты на мышах и собаках, мелькают стайки бритоголовых детей, которых привезли на экскурсию из гильдейских детских садиков Подбрюшья. Здесь, в светлом и ясном святилище гильдии, Магнус Кром чувствует себя спокойным и довольным. Сразу вспоминается, почему он так любит Лондон и готов любыми способами добиваться, чтобы город оставался в движении.

Много лет назад, еще учеником, он начитался мрачных прогнозов о том, что добычи становится все меньше, а значит Движению городов придет конец. И поставил целью своей жизни доказать, что они ошибаются. Зубами и когтями пробиться на самый верх гильдии, а затем и на трон лорд-мэра – это было только начало. Драконовские законы о вторичной переработке и строжайшем режиме экономии – всего лишь временная мера, чтобы заткнуть дыры. А сейчас Кром почти готов раскрыть свой истинный план.

Только нужно сперва убедиться, что девчонка Шоу больше не доставит неприятностей.

Вагончик с легким шорохом останавливается возле одной из верхних лабораторий. У входа переминается с ноги на ногу приземистая, плотная, как бочонок в белом халате, женщина. Эвадна Твикс числится одним из лучших инженеров Лондона. Хотя с виду она и похожа на чью-нибудь придурковатую

тетушку и развесила у себя в лаборатории картинки с цветами и щенятами (в нарушение правил гильдии), зато в работе – совершенно беспощадна.

– Здравствуйте, лорд-мэр! – лебезит она, кланяясь. – Как чудесно, что вы к нам зашли! Решили навестить моих деточек?

– Хочу увидеть Шрайка, – резко отвечает Кром, проходя мимо, а она спешит за ним, словно листок, подхваченный ветром от промчавшегося города.

Они идут через лабораторию, мимо сгибающихся в поклоне инженеров, мимо сверкающих колб и пробирок, мимо столов, на которых со всем тщанием восстанавливают ржавые железные скелеты. Команда доктора Твикс уже долгие годы занимается изучением Сталкеров. Время от времени на просторах Необжитых земель попадаются эти Воскрешенные – а недавно появился новый материал для исследований, уже не просто жалкие останки.

– Вы закончили изучать Шрайка? – спрашивает Кром на ходу. – Его точно больше нельзя использовать?

– Ах, лорд-мэр, я узнала все, что только возможно! – щебечет доктор Твикс. – Он – совершенно удивительное изделие, но, к сожалению, слишком уж сложно устроен. У него почти сформировалась личность! Да тут еще его странная одержимость той девушкой... Следующие модели будем делать попроще, я за этим прослежу. Приказать, чтобы его демонтировали?

– Нет. – Кром останавливается у круглой дверцы и нажимает кнопку, отчего дверь, жужжа, открывается. – Я намерен сдержать данное Шрайку слово. И у меня есть для него задание.

За дверью полумрак и пахнет машинным маслом. У дальней стены застыл высокий силуэт. Лорд-мэр перешагивает порог, и немедленно два больших зеленых глаза вспыхивают, словно фары.

– Мистер Шрайк! – бодрым тоном произносит Кром. – Как поживаем? Не разбудил?

– Я НИКОГДА НЕ СПЛЮ, – отвечает из темноты жуткий голос, резкий, как скрежет ржавых шестеренок.

Даже доктор Твикс, привычная к этому голосу, вздрагивает под своим резиновым плащом.

– ХОТИТЕ ЕЩЕ РАЗ МЕНЯ ОСМОТРЕТЬ?

– Нет, Шрайк, – отвечает Кром. – Помните, полтора года назад, когда вы только к нам попали, вы предупреждали меня? Насчет девицы Шоу?

– Я ГОВОРИЛ, ЧТО ОНА ЖИВА И НАПРАВЛЯЕТСЯ В ЛОНДОН.

– Как выяснилось, вы были правы. Она и в самом деле здесь появилась.

– ГДЕ ОНА? ПРИВЕДИТЕ ЕЕ КО МНЕ!

– Увы, это невозможно. Она спрыгнула в желоб для отходов. Вернулась на Поверхность.

В ответ раздается протяжное шипение, словно выходит пар.

– МНЕ НУЖНО ЕЕ ДОГНАТЬ.

Кром улыбается:

– Я надеялся, что вы это скажете. Для вас приготовили один из разведывательных дирижаблей гильдии, «Ястреб-девяносто». Пилоты будут следовать вдоль колеи, оставленной городом, пока вы не найдете то место, где выпала девчонка. Если она и ее спутник мертвы, все отлично. Если живы – убейте обоих, а трупы привезите мне.

– А ПОТОМ? – спрашивает жуткий голос.

– А потом, Шрайк, – отвечает Кром, – я исполню ваше заветное желание.

Странное время наступило для Лондона. Город по-прежнему мчался на большой скорости, словно преследуя добычу, но никаких других городов не было видно среди серых слякотных равнин северо-западной части Охотничьих Угодий. Горожане терялись в догадках: что задумал лорд-мэр? Кэтрин слышала, как кто-то из прислуги ворчал: «Нельзя же так нестись очертя голову! Дальше к востоку попадают большие города, они нас разжуют и косточки выплюнут!» Но экономка, миссис Мэллоу, прошептала в ответ: «Много ты понимаешь, Сьюки Блайндер! Вот скажи, разве не отправили в разведку самого мистера Валентайна? У них с Магнусом Кромом крупная добыча на прицеле, даже не сумлевайся!»

Может, и крупная, но никто не знал, что это за добыча. Когда Валентайн пришел домой обедать после очередного собрания в Гильдии инженеров, Кэтрин спросила:

– Почему тебя в разведку отправляют? Так нечестно! Это работа для навигатора, а не для лучшего в мире археолога!

Валентайн вздохнул с вселенским терпением:

– Кейт, лорд-мэр мне доверяет. И я скоро вернусь. Недели через три. Максимум через месяц. Давай-ка сходим в ангар, посмотрим, что там Пьюси и Генч сотворили с моим дирижаблем.

За долгие тысячелетия, прошедшие с Шестидесятиминутной войны, развитие воздухоплавания достигло таких высот, какие не снились даже Древним. «Лифт на тринадцатый этаж» построили для Валентайна по спецзаказу – на это ушла часть денег, полученных от Крома за найденные в Америке двадцать лет назад предметы олд-тека. Валентайн говорил, что лучшего дирижабля еще не бывало на свете, и Кэтрин не видела причин в этом сомневаться. Само собой, отец держал свой любимый дирижабль не в воздушной гавани Пятого яруса, вместе с простыми торговыми судами, а на частной пристани, совсем недалеко от Клио-Хауса.

Кэтрин и Валентайн прошлись к пристани по залитому солнцем парку. В ангаре и на металлической площадке перед ним толпились люди, приезжали и уезжали

«жуки». Пьюси и Генч загружали в «Лифт» провизию на время предстоящего полета. Собака побежал вперед и обнюхал сложенные штабелями бочонки и ящики: мясные консервы, баллоны со сжиженным газом, лекарства, наборы для починки оболочки, крем от солнца, респираторы, огнеупорные комбинезоны, ружья, дождевики, теплые куртки, картографическое оборудование, переносные печи, запасные носки, пластиковые стаканчики, три надувные лодки и коробка с надписью: «Патентованные галоши Пинка – лучшая защита для вашего ботинка!»

В темноватом ангаре дожидался хозяина огромный дирижабль. Черный бронированный корпус был укрыт брезентом. У Кэтрин, как всегда, быстрее забило сердце при мысли, что этот громадный воздушный корабль унесет ее отца в небо, и стало грустно, что они расстанутся, и страшно – вдруг папа не вернется.

– Если бы можно было мне полететь с тобой!

– Не в этот раз, Кейт, – сказал Валентайн. – Может быть, когда-нибудь.

– Потому, что я девочка? – спросила Кэтрин. – Это же все равно! В древности женщинам разрешали делать все то же, что и мужчины, и вообще, среди воздухоплателей полно женщин-пилотов! У тебя у самого во время экспедиции в Америку была женщина-пилот. Я помню, я видела фотографии...

– Кейт, не в этом дело. – Отец обнял ее. – Просто в этот раз может быть опасно. Да и не хочу я, чтобы ты заделалась бродягой вроде меня. Лучше оставайся здесь, закончи школу и стань истинной леди из Верхнего Лондона. А главное, не дай Собаке опечатать мои ящики с супом...

После того как Собаку оттащили от ящиков и как следует отругали, Кэтрин с отцом сели рядышком в тени ангара, и Кэтрин спросила:

– Так ты мне расскажешь, что это за важное и опасное задание?

– Я не должен никому говорить, – ответил Валентайн, поглядывая на нее искоса.

– Да ладно! – засмеялась она. – Мы же лучшие друзья, правда? Ты ведь знаешь, я не разболтаю. А мне так хочется узнать, куда поедет Лондон! В школе все уже голову сломали. Мы так давно движемся на восток на всех парах. Не остановились, даже когда съели Солтхук...

– Видишь ли, Кейт, – сдался отец, – Кром поручил мне собрать сведения о Шань-Го.

Шань-Го – это была главная страна Лиги противников движения, варварского альянса, контролирующего всю территорию Индии и то, что осталось от Китая. От голодных городов их защищала могучая горная цепь, а также болота вдоль восточной границы Охотничьих Угодий. Кэтрин проходила все это на уроках географии. Перейти через горы можно было только в одном месте, и на этом перевале стояла ужасная неприступная крепость под названием Батмунх-Гомпа, Щит-Стена. В первые века Эры Движения от ее пушек погибли сотни городов.

– А зачем? – удивилась Кейт. – Не поедет же Лондон туда!

– Я и не говорил, что поедет, – ответил Валентайн. – Но возможно, когда-нибудь возникнет необходимость в самом деле отправиться в Шань-Го и пробить оборону Лиги. Ты же знаешь, дичи все меньше. Наступит голод, и большие города начнут истреблять друг друга.

Кэтрин вздрогнула.

– Должно же быть какое-то другое решение! – возразила она. – Разве нельзя договориться с лорд-мэрами других мегаполисов?

Отец негромко засмеялся:

– Боюсь, Кейт, у муниципального дарвинизма другие законы. В нашем мире между городами идет борьба на выживание. Но ты не беспокойся, Кром великий человек, он найдет выход.

Кэтрин грустно кивнула. В папиных глазах снова появилось затравленное выражение. Он так ничего и не рассказал ей о девушке-убийце, а сейчас она чувствовала, что отец еще что-то от нее скрывает. Что-то связанное с

предстоящей экспедицией и с планами лорд-мэра. Неужели все это взаимосвязано? Она не могла спросить прямо – тогда пришлось бы признаться, что она подслушивала.

Кэтрин спросила иначе, просто чтобы проверить, что он ответит:

– Это не из-за той ужасной девушки? Может, она была из Шань-Го?

– Нет, – сказал Валентайн, стремительно бледнея. – Она умерла, Кейт, не нужно больше о ней беспокоиться. Идем! – Он поспешно встал. – До моего отлета еще несколько дней, так давай насладимся ими на полную катушку. Будем сидеть у камина, есть гренки с маслом, вспоминать старые времена и не думать... об этой несчастной изуродованной девочке.

Пока они шли через парк, держась за руки, на них упала тень: от Инженериума отчалил «Ястреб-90».

– Видишь? – сказала Кэтрин. – У Гильдии инженеров есть собственные дирижабли. По-моему, это свинство, что Магнус Кром отнимает тебя у меня.

Но отец только заслонил глаза от солнца, глядя, как белый дирижабль описывает круг над Верхним ярусом и берет курс на запад.

Глава 8

Ярмарка

Тому снилась Кэтрин. Они шли рука об руку по знакомым музейным залам, только вокруг не было ни хранителей, ни гильдейцев-историков, и некому было сказать: «Вымой пол, Нэтсуорти» или «Протри стеклянные изделия сорок третьего века». Он показывал ей Музей, как будто собственные владения, а она улыбалась ему, слушая, как он рассказывает об устройстве дирижаблей и подробно объясняет огромный макет Лондона в разрезе. И все это время на заднем плане звучит причудливая жалобная музыка. Только придя в отдел естествознания, они поняли, что это поет синий кит.

Сон постепенно начал тускнеть, но песня синего кита еще звучала. Том лежал на вздрагивающем дощатом полу, со всех сторон высились дощатые стены. В щели между досками светило утреннее солнце. По потолку вились в безумном сплетении какие-то трубы и шланги. Это была водопроводная и канализационная система Спидвелла; ее-то бормотание и бульканье Том во сне принял за песню кита.

Он перекатился на бок и осмотрелся. У дальней стены крошечной комнатки сидела Эстер. Увидев, что Том проснулся, она ему кивнула.

– Где я? – простонал он.

– Я не знала, что люди на самом деле так говорят, – сказала Эстер. – Думала, это только в книжках пишут. «Где я?» Надо же.

– Нет, правда! – Том разглядывал грубо сколоченные стены и узкую железную дверь. – Мы все еще в Спидвелле? Что случилось?

– Еда, конечно, – ответила Эстер.

– В смысле, Рейленд подсыпал нам снотворное? Но зачем?

Том встал и по качающемуся полу пошел к двери.

– Не старайся, там заперто, – предупредила Эстер.

Том все равно подергал ручку. Точно, заперто. Он добрался до стены и выглянул в щелочку. Снаружи увидел узкую дощатую палубу. Картинка мигала, как на визи-экране, – по ней пробегали тени от огромного колеса. Мимо проносилась Поверхность, значительно более гористая, чем когда он в прошлый раз ее видел.

– Мы с рассвета движемся на юго-юго-восток, – устало объяснила Эстер, не дожидаясь, пока он спросит. – Может, и дольше, только я спала, как и ты.

– Куда нас везут?

– А я откуда знаю?

Том сполз на пол, привалившись спиной к подрагивающей стене.

– Значит, все... До Лондона, наверное, сотни миль! Теперь я никогда не вернусь домой!

Эстер молчала. Лицо у нее было белое, отчего шрамы выступали резче обычного. Доски пола вокруг раненой ноги пропитались кровью.

Время тянулось еле-еле. Час, другой. Изредка снаружи проходили люди, их мелькающие тени на миг заслоняли узкие полосы света. В трубах тихонько бормотало, словно они разговаривали сами с собой. Наконец раздался скрежет ключа в замке. Внизу в двери приоткрылось окошечко, и в комнату просунулось чье-то лицо.

– Все в порядке? – спросило лицо.

– В порядке? – заорал Том. – Ничего не в порядке!

Он плашмя бросился на пол рядом с дверью. Снаружи Рейленд, стоя на четвереньках, заглядывал в окошечко (Том подозревал, что изначально это была дверка для кошки). Дальше виднелись чьи-то ноги в сапогах – наверное, охранников.

– Зачем вы с нами так? – спросил Том. – Мы вам ничего плохого не сделали!

Старик смутился:

– Правда, мой милый, но времена нынче, понимаешь, тяжелые. Управлять движущимся городом – это тебе не шутки. Пробавляемся чем придется. Тут одно прихватишь, там другое... Вот и вас прихватили. В рабство продадим, вот оно дело какое. На Ярмарке будут рабовладельческие города, мы им вас и пристроим. Иначе никак. Нам нужны запчасти для двигателей, без них не уйти от мегаполисов...

– Продать нас? – Том слышал о городах, где в машинном отделении используют рабский труд, но это казалось какой-то далекой экзотикой, что никогда его не коснется. – Меня нельзя продавать! Мне в Лондон вернуться надо!

– О-о-о, за тебя наверняка дадут хорошую цену, – сказал Рейленд, как будто Тома это должно было обрадовать. – Такой здоровенький, симпатичный парнишка! Мы тебе подберем хорошего владельца. Вот насчет подружки твоей даже не знаю: с виду она полумертвая, да и раньше, если честно, смотреть было не на что. Ну, может, получится продать вас одним комплектом; так сказать, «вторую бесплатно».

Мэр просунул в окошечко две миски – такие круглые, металлические миски, из каких обычно едят собаки. В одной была вода, в другой – все те же синеватые водоросли.

– Ешьте! – жизнерадостно скомандовал Рейленд. – Надо, чтобы на аукционе вы появились бодрыми и упитанными. На Ярмарку мы прибудем к закату, а утречком продадим вас.

– Но... – начал Том.

– Я все понимаю, самому тошно, а что поделаешь? – вздохнул Рейленд. – Времена такие настали.

Окошечко в двери захлопнулось.

– А как же мой сидюк? – закричал Том.

Никто ему не ответил. Слышно было, как Рейленд переговаривается с охранником, потом голоса затихли. Том зачерпнул воды ладонями, напился и поставил миску перед Эстер.

– Надо удирать! – сказал он.

– Как?

Том осмотрелся. В дверь ломиться бесполезно, она заперта, да еще и охранник снаружи. Том рассматривал трубы под потолком, пока не заняла шея, но, хотя некоторые были настолько толстыми, что по ним бы мог проползти человек, Том не представлял, как в них забраться, и вообще – как допрыгнуть до них. И не хотелось бы ползать в той густой жиже, которая в них булькала. Он стал исследовать стены. Ощупал каждую досочку и наконец нашел одну, которая чуть-чуть расшаталась. Том стал ее расшатывать сильнее.

Дело продвигалось медленно и мучительно. Том насажал себе заноз, по лицу у него ручьями тек пот, и к тому же он вынужден был прерываться каждый раз, когда кто-нибудь проходил снаружи по палубе. Эстер молча наблюдала за ним. В конце концов Том начал злиться, что она даже не пробует помочь. И все-таки к вечеру, когда заходящее солнце окрасило все вокруг в красный цвет и город сбросил скорость, Том сумел проделать довольно большое отверстие – достаточно, чтобы просунуть голову.

Том выждал, пока не убедился, что поблизости никого нет, и выглянул наружу. Спидвелл ехал в тени высоких скал – остатков изгрызенной городами горной гряды. Впереди раскинулся природный амфитеатр – неглубокая впадина, окруженная скальными столбами, а в ней теснилось множество городов. Том никогда не видел столько торговых поселков и деревушек сразу.

– Приехали! – объявил он. – Вот она, Ярмарка.

Спидвелл постепенно замедлял ход, пробираясь на свободное место между обшарпанной парусной деревенькой и городком чуть побольше. Том слышал, как с других городов окликают Спидвелл, расспрашивают, откуда он прибыл и что привез на продажу.

– Металлолом! – крикнула в ответ миссис Рейленд. – Немного древесины, красивый сидюк и двух отличных, крепких молодых рабов!

– О Квирк! – пробормотал Том, изо всех сил стараясь расширить дыру.

– Все равно не пролезем, – заметила Эстер.

Она всегда ожидала худшего и обычно оказывалась права.

– Лучше бы помогла, чем так сидеть! – огрызнулся Том и сразу пожалел о своих словах.

Видно было, что Эстер совсем плохо. Что будет, если у нее не хватит сил на побег? Нельзя же удрать одному, а ее бросить! Но если Том останется, его продадут в рабство на какой-нибудь мерзкий городишко!

Он постарался не думать об этом, сосредоточившись на работе. Тем временем стемнело, в небо поднялась луна. Со всех сторон доносились музыка, и смех, и топот бегущих – жители Спидвелла спешили повеселиться на борту других городов. Том дергал доски, царапал их ржавым гвоздем, но все без толку. Наконец он в отчаянии обернулся к Эстер и зашептал:

– Пожалуйста, помоги!

Она встала, покачнулась и нетвердыми шагами подошла к нему. Вид у нее был больной, но не настолько, как боялся Том. Наверное, она копила силы к ночи, когда темнота поможет убежать. Эстер ощупала края дыры и кивнула. Потом, навалившись всем весом на плечо Тома, размахнулась здоровой ногой и пнула стену – раз, потом еще, древесина трещала, щепки летели во все стороны, и на третий раз целый кусок стены отвалился. Доски рассыпались по палубе.

– Я бы и сам так мог! – Том рассматривал пролом, изумляясь, почему он до этого не додумался.

– Мог, да не сделал, правда?

Эстер попыталась улыбнуться. Том впервые видел ее улыбку: перекошенную, но удивительно приятную. От этого казалось, что Эстер наконец-то начинает хорошо к нему относиться и больше не считает досадной помехой.

– Ну пошли, что ли, – сказала Эстер.

За сто миль от них Шрайк что-то замечает на озаренной луной равнине. Он дает знак пилотам-инженерам, и те, кивнув и недовольно ворча, начинают снижение.

– Что там еще? Долго мы будем летать туда-сюда над колеей, пока он наконец признает, что сопляки убили насмерть?

Но ворчат они тихонько, потому что боятся Шрайка.

Открывается люк, и Шрайк спускается на землю. Водит зелеными глазами из стороны в сторону и наконец находит то, что искал: клочок белой ткани от разорванной рубашки, намокший от дождей, полусасыпанный глиной.

– ЗДЕСЬ БЫЛА ЭСТЕР ШОУ, – объявляет Шрайк в пространство и начинает вынюхивать ее запах.

Глава 9

«Дженни Ганивер»

Поначалу казалось, что удача им улыбается. Том и Эстер быстро пробрались по слабо освещенной палубе и нырнули в тень огромного колеса. Вокруг виднелись темные очертания других городов со светящимися окнами, а у одного шахтерского городка на верхней палубе пылал большой костер – там вовсю веселились.

Беглецы прокрались к сходням, перекинутым на соседний торговый городок. Охрана там не дежурила, но сходни были ярко освещены. Как только Том и Эстер сошли на палубу соседей, сзади раздался оклик:

– Эй!

А потом уже громче:

– Эй-эй! Дядя Рейленд! Рабы удирают!

Они бросились бежать, – вернее, Том побежал, волоча Эстер за собой, а она на каждом шагу поскуливала от боли. Вверх по лестнице, потом по мостику, мимо

храма Перипатетии – богини странствующих городов, – и вот они выскочили на рыночную площадь, уставленную рядами железных клеток. В некоторых клетках сидели в ожидании продажи тощие заморенные рабы. Том заставил себя притормозить, стараясь не привлекать внимания и прислушиваясь, нет ли погони. Погони слышно не было. Может, Рейленды махнули на них рукой, а может, ловить рабов в чужих городах запрещалось, – Том не знал, какие правила приняты на Ярмарке.

– Идем к носу. – Эстер выпустила его руку и подняла воротник пальто, скрывая лицо. – Если повезет, в носовой части будет воздушный причал.

Им повезло. На верхнем ярусе на возвышении были причалены с полдюжины небольших дирижаблей. В темноте наполненные газом оболочки напоминали сонных китов.

– Мы украдем дирижабль? – прошептал Том.

– Нет, разве только ты умеешь его водить, – через силу проговорила Эстер. – Видишь, там кафе для летчиков? Попробуем заказать перелет, как нормальные люди.

Кафе размещалось в старой ржавой гондоле от дирижабля, привинченной к палубе. У входа под полосатым тентом стояли несколько металлических столиков. Внутри горели керосиновые лампы и пожилой летчик дремал, развалившись в кресле. Кроме него, была только одна посетительница – зловещего вида восточная женщина в длинном красном кожаном пальто. Она сидела в темном углу возле стойки бара – несмотря на темноту, в черных очках. Крошечные стеклышки поблескивали, как надкрылья жука. Она обернулась, когда Том подошел к стойке, и уставилась на него.

За стойкой крошечный человечек с огромными вислыми усами протирал стаканы. Он не проявил интереса, когда Том сказал:

– Мне нужен дирижабль.

– Куда?

– В Лондон, – ответил Том. – И чтобы вылет сегодня.

– Лондон, говорите? – Усы человечка дернулись, как будто под носом у него сидели две белки и помахивали хвостами. – Там разрешают причаливать только судам с лицензией от лондонской Гильдии купцов. У нас таких не водится. Стейнс – не того уровня город.

– Возможно, я вам помогу? – послышался у Тома за плечом негромкий вкрадчивый голос с иностранным акцентом.

Женщина в красном пальто незаметно подошла к нему вплотную: красивая, поджарая, с белыми прядками в коротко остриженных черных волосах, словно полосы у барсука. В темных стеклах ее очков плясали отражения керосиновых ламп, а когда она улыбнулась, стало видно, что ее зубы испачканы красным.

– У меня нет лондонской лицензии, но я направляюсь в Воздушную Гавань. Там вы найдете корабль, который довезет вас до места. Деньги у вас есть?

О деньгах Том не подумал. Он порылся в карманах и выудил две мятые банкноты с изображением Квирка на лицевой стороне; с оборота сурово взирал Магнус Кром. Том сунул их в карман в тот самый вечер, когда захватили Солтхук, – надеялся потратить на празднике в Кенсингтонском саду. Здесь, в свете чадающих керосиновых ламп, эти бумажки казались неуместными, словно игрушечные деньги.

Женщина в красном пальто, кажется, тоже так думала.

– А-а-а, – сказала она, – двадцать квирков. Их только в Лондоне и можно потратить, а бедной небесной бродяжке вроде меня они без надобности. Может, у вас есть золото? Или что-нибудь из олд-тека?

Том пожал плечами и промямлил нечто невнятное. Краем глаза он заметил, что между столиков проталкиваются новые посетители.

Один из них крикнул:

– Дядя Рейленд, смотри! Вон они! Попались!

Оглянувшись, Том увидел приближающегося Рейленда и пару его ребят с тяжелыми дубинками. Он схватил за руку Эстер – та прислонилась к стойке бара почти в обмороке. Кто-то из Спидвелла метнулся наперерез, но ему заступила дорогу женщина в красном пальто.

– Это мои пассажиры! Мы как раз договаривались об оплате.

– Они мои рабы! – заорал Рейленд, отталкивая ее. – Том Нитсуорти и его подружка. Все честно, мы их на Поверхности нашли. Что нашел, то твое...

Том потащил за собой Эстер через металлическую площадку перед кафе, мимо лестницы, ведущей к причалам. Сзади перекрикивались между собой люди Рейленда – они разделились, отыскивая беглецов. Потом вдруг раздался хруст и грохот, как будто кто-то из них упал. «Хорошо», – подумал Том, но он понимал, что остальные скоро его найдут.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Дирижабль назван в честь техасской психоделической группы 1960-х годов The
13

Floor Elevators.

Dunroamin – некогда популярное в Англии название домов, от выражения «done roaming» – «перестал странствовать, пустил корни».

Купить: https://tellnovel.com/ru/riv_filip/smertnye-mashiny

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)